

Конференция по разоружению

1 June 2011

Russian

Окончательный отчет об одна тысяча двести двадцать седьмом пленарном заседании,
состоявшемся во Дворце Наций, в Женеве, в среду, 1 июня 2011 года, в 10 ч. 15 м.

Председатель: г-жа Алисия Виктория Аранго Олмос (Колумбия)

Председатель (*говорит по-испански*): Доброе всем утро. Мне хотелось бы начать с того, что, хотя тут еще не все, как я знаю, многие имеют обязательства в связи с правами человека и Международной организацией труда. И я также хочу сказать вам, что я должна начать уже сейчас, ибо в 10 ч. 30 м. наш Генеральный секретарь г-н Токаев должен посетить очень важное совещание, и ему существенно важно быть здесь по крайней мере в начале данного председательствования. 1227-е пленарное заседание Конференции по разоружению объявляю открытым.

Прежде всего я хотела бы сказать, что моя делегация и моя страна считают честью принять председательство на Конференции по разоружению. Могу заверить вас, что я буду демонстрировать полную приверженность и ответственность и буду действовать с полной транспарентностью при исполнении моих обязанностей и функций.

Мы хотим, чтобы колумбийское председательство отличалось своей эффективностью, инклюзивностью, гибкостью и строгим соблюдением правил процедуры.

Во-вторых, мне хотелось бы признать колоссальные усилия, приложенные моими предшественниками по председательству, с тем чтобы активизировать данную Конференцию. Дебаты по пунктам повестки дня, которые прошли по инициативе председательств Канады, Чили и Китая, оказались безусловно весьма интересными и позволили подтвердить национальные позиции по заботящим нас проблемам.

К сожалению, какого-то предметного прогресса достичь не удалось. Но несмотря на это, колумбийское председательство хотело бы уважать, поддерживать и наращивать усилия, прилагавшиеся до сих пор.

Как я упомянула в своем выступлении на прошлой неделе, международное сообщество уделяет пристальное внимание Конференции по разоружению, пристально отслеживает ее эволюцию и ее способность выйти из затора. И для нас должны звучать как тревожные сигналы получаемые нами от разных сторон послания о том, что терпение иссякает, что статус-кво нетерпим и что есть необходимость в принятии альтернативных мер. Мир изменился, и он уже не проявляет терпимости к тупиковым и непродуктивным ситуациям.

Тем не менее мы знаем, что даже на этом рубеже между членами Конференции существуют расхождения в восприятиях. Имеют место разные интерпретации относительно нынешнего момента, переживаемого Конференцией, и относительно решений, которые могут быть приняты в отношении нашего органа.

Мы придаем большое значение Конференции по разоружению как единственному форуму многосторонних переговоров в этой сфере и хотели бы видеть динамичную Конференцию, выполняющую свой мандат.

Между тем Конференция по разоружению являет собой лишь одну из деталей разоруженческого механизма, и как каждую деталь, в случае если та не работает, ее надлежит отремонтировать или модифицировать, с тем чтобы шестеренки закрутились вновь. Наша высшая цель – смысл нашего существования должен быть важнее механизма. Мы не должны забывать, что нашей обязанностью является разоружение, с тем чтобы содействовать международной безопасности и безопасности всех наших граждан.

И по этой причине в ходе председательства Колумбии мы хотим сосредоточиться на откровенном и конструктивном диалоге относительно момента, переживаемого Конференцией по разоружению, и относительно действий, которые мы можем предпринять, чтобы укрепить Конференцию.

Первая наша задача в этом плане состоит в том, чтобы наладить дискуссию по проблеме, которую председательство предлагает для нашего сегодняшнего пленарного заседания, – по программе работы, не забывая, конечно, о том, что каждое государство может в национальном качестве поднимать любой вопрос по пункту 30 наших правил процедуры.

Что касается программы работы, то тут ясно, что в 2011 году сохраняются расхождения и мы оказываемся не в состоянии преодолеть затор.

Чтобы генерировать дебаты на этот счет, мне хотелось бы поделиться кое-какими мыслями с первого раунда консультаций, которые мы проводили в последние несколько недель. Речь идет об идеях, которые уже затрагивались в мудрых анализах предыдущих председательств и в заявлениях делегаций.

Прежде всего я хотела бы кратко коснуться дебатов относительно зрелости того или иного пункта нашей повестки дня для дискуссии. Ясно, что у государств-членов имеются разные заботы по поводу тех предметов, по которым они готовы начать переговоры. И эти расхождения получают отражение в мандатах, которыми государствам хотелось бы наделить Конференцию в ее программе работы.

Правда, конечно, что разные субъекты международного сообщества ратуют за начало переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала.

Между тем, как было видно в ходе дебатов в последние недели, даже по отношению к ДЗПРМ, и особенно по вопросу о запасах, имеются крупные расхождения, которые вызывают у некоторых государств противоречия относительно степени зрелости проблемы или относительно реально существующей степени расхождений. Точно так же в ходе дебатов, проходивших в 2011 году, стало очевидно, что стадии зрелости и консенсуса, которая, по мнению некоторых, аналогична тому, имеет место в связи с ДЗПРМ, достигли такие пункты, как предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве и негативные гарантии безопасности.

И тут я хотела бы напомнить некоторые вопросы, которые уже формулировались прежде, но к которым мы еще не обращались. Например, речь идет о способности Конференции и делегаций вести переговоры более чем по одной теме или о подходе, согласно которому следующий логический шаг состоял бы в том, чтобы параллельно продвигаться более чем по одному из пунктов нашей повестки дня.

Во-вторых, я хотела бы коснуться политической воли, понимаемой как гибкость и креативность.

Именно проблема политической воли государств-членов мешает нам достичь твердого консенсуса и программы работы. И проблема состоит не в разработке мандатов, а в изъянах наших обязательств.

Было выдвинуто несколько формул. На протяжении 13 лет за счет десятков справочных документов мы пытались манипулировать формулировками и искать маршруты, которые позволили бы достичь консенсуса, но – безуспешно. Последняя из них – формулировка, предложенная в неофициальном документе

Чили, – носила общий характер и могла бы учесть разные интересы делегаций, но она тоже оказалась неосуществимой.

Точно так же была воспринята и формула упрощенной программы работы – без мандатов, в виде простого графика, как указано в наших правилах процедуры.

Ни один из этих подходов не оказался достаточным, потому что, повторяю, проблема тут не в формулировках. Мы считаем, что преодолеть затор, в котором мы оказываемся, мы можем только за счет твердой и четкой политической воли.

И поэтому нам надо избегать предрешенности всякого переговорного или дискуссионного процесса по любому пункту нашей повестки дня. Конечно, есть и заслуживают уважительного отношения соображения национальной безопасности, которые сказываются на позиции стран и на динамике Конференции. Они понятны, но они не оправдывают затора на Конференции по разоружению. И лучший способ консолидации национальной безопасности состоит в утверждении международной безопасности и взаимного доверия.

Ну и, наконец, третьим аспектом, которого мы хотим коснуться, является проблема с методологией, которой мы придерживались до сих пор с целью принятия программы работы.

До сих пор программа работы отдавалась на откуп удачливости и способности каждого председательства, которое имело лишь четыре недели, чтобы начать новые поиски неуловимого консенсуса. И как только председательство сталкивается с несогласием, ущемляется и его способность выдвигать предложения.

И тем самым мы оказываемся в экстремальной ситуации, когда председательства воздерживаются от представления документов на пленарном заседании по причине бесплодности этого дела. Мы не только не ведем переговоров по нашим обязательствам в отношении мандатов, но мы и не смеем дискутировать по ним или по нашим расхождениям, с тем чтобы идентифицировать их и узнать, где мы находимся, – каждый из нас.

Что касается вышеизложенного, то мы настаиваем на этом в ходе всей сессии 2011 года: председательство выступает в качестве посредника в работе, но оно не может взваливать на себя ту ответственность, которая лежит на всех членах Конференции. Что же касается обязанностей председательства, то мы их сознаем и приемлем.

Мы считаем фундаментально важным проводить эту дискуссию среди всех нас, с тем чтобы совместно выстроить наш консенсус в этом году. Мы считаем, что всем нам надлежит обстоятельно и откровенно – и, хотелось бы надеяться, на основе конкретных предложений – обсудить нашу программу работы.

И поэтому мы хотим пригласить все страны продвигать или предлагать тексты – индивидуально, коллективно или в рамках своих региональных групп. Мы призываем вас действовать проактивно и креативно. Конкретное предложение, представленное группой стран, придало бы политическую поддержку проектам, которые должен представлять Председатель, и позволило бы нам проводить пленарные заседания. Эта формула адаптирована к правилам процедуры и имеет прецеденты в работе Конференции по разоружению.

Но это не означает, будто Председатель отказывается от поиска программы работы. Наоборот, мы будем продолжать свои консультации и усилия по достижению этой цели.

Мы надеемся, что эти идеи и размышления, которые мы напоминаем сегодня, сослужат службу сегодняшним дебатам и позволят нам найти новые подходы и формулы, которые проложат путь к принятию всеобъемлющей, сбалансированной и применимой программы работы.

А теперь мне хотелось бы перейти к списку ораторов на сегодняшнее заседание и к делегатам, которые хотели бы взять слово. А сейчас слово имеет посол Бразилии.

Г-н ди Маседу Суарис (Бразилия) (*говорит по-испански*): Г-жа Председатель, начало вашего мандата в качестве Председателя Конференции по разоружению являет собой важное событие для всех нас, и особенно для бразильской делегации. Мы переживаем особый момент в истории этого форума, который насчитывает уже больше тридцати лет. В прошлом нами было встречено и преодолено немало трудностей.

Но, пожалуй, впервые несколькими государствами-членами ставится под вопрос само существование Конференции по разоружению. Нас заботит не само учреждение – нас заботит политическая основа для многостороннего подхода к разоружению, и особенно в том, что касается ядерного оружия. Но к этой проблеме я вернусь позже.

А сейчас я хотел бы выразить радость моей делегации в связи с тем, что во главе этой Конференции стоит уважаемый посол, Постоянный представитель нашей братской нации – Колумбии. Ваши первые слова уже дают нам представление о том, в какой тональности и как динамично вы будете управлять нашей работой. Как мне думается, в этой связи было бы уместно напомнить делегациям, что функции Генерального секретаря Союза южноамериканских наций (УНАСУР), с местопребыванием в Кито (Эквадор), исполняет выдающаяся колумбийка Мария Эмма Мехия.

В 2009 году, вскоре после своего создания, УНАСУР учредил с целью укрепления Южной Америки в качестве зоны мира Южноамериканский совет обороны. 26 мая с.г. года в Буэнос-Айресе, в рамках этого Южноамериканского совета обороны, состоялась инаугурация Центра оборонных стратегических исследований им. Мануэля Бельграно. Эти действия показывают решимость стран Южной Америки лучше обеспечивать оборону на Южноамериканском континенте, совершенствовать свое участие в миротворческих операциях в рамках Организации Объединенных Наций и крепить доверие между государствами – членами УНАСУР. И все они входят в состав зоны, свободной от ядерного оружия.

(продолжает по-английски)

Позвольте мне высказать слова приветствия нашему новому Генеральному секретарю г-ну Токаеву. Он побывал в Бразилии в 1994 году в качестве специального эмиссара Казахстана. С тех пор – во многом под влиянием действий г-на Токаева – отношения между нашими странами достигли значительного прогресса. И я уверен, что он окажет самое благотворное влияние на эту Конференцию. Я хотел бы также отдать должное замечательным усилиям, принятым послом Китая Ван Цюнем в ходе его председательства.

Самая первая резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций на ее семнадцатом пленарном заседании 24 января 1946 года, касалась разоружения. И все мы это знаем, ибо она часто упоминается, чтобы подчеркнуть важность этого вопроса и его приоритетность, признанную государствами-членами с самого возникновения Организации. Название резолюции 1 (I) гласит: *Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии*. Комиссии было поручено внести конкретные предложения относительно помимо всего прочего "исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения".

Название Комиссии – по-видимому, результат тщательных переговоров – показало сложность атрибуции по времени и по факту генезиса "проблем", которыми она должна была заниматься. Как историческая веха "открытие атомной энергии" носит более нейтральный характер, чем изготовление, испытание или собственно применение бомбы.

В тот момент атомными бомбами обладала лишь одна страна. И этот факт объясняет нежелание идентифицировать точную отправную точку для "проблем" без их привязки к одной конкретной стране.

А вскоре начнется и распространение, которое будет продолжаться на протяжении последующих шести десятилетий. И все-таки преисполнено смысла то обстоятельство, что с самого возникновения Организации Объединенных Наций было признано наличие "проблем" и необходимость "устранения" атомного оружия.

С тех пор ядерное оружие приобрели еще ряд стран – каждая по разным мотивам, но вкуче с основополагающим общим фактором упрочения безопасности и удостоверения могущества применительно к каждой из них.

С учетом быстрого осознания неприемлемости ядерного оружия всегда полезно напомнить, что и первый обладатель ядерного оружия, и последующие четыре распространителя не более легитимны, чем другие, которые потом пошли тем же путем. Легитимного ядерного оружия не существует. Но зато истине легитимны упования международного сообщества на то, что те государства, которые обладают ядерным оружием, все же окажутся на высоте своих обязательств по ядерному разоружению – цели, реализовывать которую они согласились либо на основе Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), либо посредством политических деклараций и резолюций Организации Объединенных Наций, наиболее важным из которых является Заключительный документ первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению. Вдобавок Международный Суд исчерпывающе ясно установил, что существует обязательство проводить добросовестным образом и завершить переговоры, ведущие к ядерному разоружению во всех его аспектах.

Спустя две трети века международное сообщество так и не достигло цели, поставленной первой резолюцией Генеральной Ассамблеи. Что мы можем сделать здесь, как это пытаюсь делать сейчас и я, так это работать над тем, чтобы избежать не столь уж отдаленного во времени прискорбного юбилея – первого столетия в компании с ядерным оружием. Эта цель не будет достигнута при моей жизни, но от этого прискорбного юбилея я хотел бы избавить своих детей и внуков.

Мы не можем игнорировать те усилия, которые прилагались на протяжении последних десятилетий. Двое основных обладателей создали договоры о сокращении своих ядерных арсеналов. Но при всей их важности они соответст-

вуют, тем не менее, двусторонней взаимной калибровке разрушительной мощи. Производятся и односторонние сокращения, и это всегда хорошая вещь. И все-таки не очень комфортно предаваться ликованию по поводу мер, как бы позитивны они ни были, которые сохраняют за несколькими нациями могущество, позволяющее уничтожить планету.

В многостороннем глобальном формате основным достижением остается Договор о нераспространении, хотя его статья о ядерном разоружении, которой к тому же недостает минимума точности в плане хронологии и других аспектов, так и не осуществлена. Чтобы улучшить перспективы ядерного разоружения, была сконструирована стратегия удушения, дабы избежать повторения роста арсеналов и даже упрочить возможные сокращения.

Основным примером этой стратегии является Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который еще не вступил в силу. Следующим шагом в том же направлении мог бы стать договор по расщепляющемуся материалу для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. Действительно, есть широкое понимание того, что заключение такого договора возможно, поскольку основные ядерно-оружейные державы, пожалуй, вполне склонны начать переговоры по нему. Но это вовсе не означает, что вопрос о расщепляющемся материале непременно является самым неотложным вопросом разоруженческой повестки дня. Для Бразилии, да и для многих других государств в более оперативном плане значительным шагом в русле демонтажа стратегий, основанных на ядерном оружии, были бы юридически обязывающие гарантии против применения или угрозы применения ядерного оружия против государств, не обладающих ядерным оружием. И я должен также напомнить постоянные призывы Группы 21 насчет договора о запрещении ядерного оружия, равно как и насчет других видов оружия массового уничтожения.

Основным препятствием на пути переговоров по договору о расщепляющемся материале является установление сферы его охвата. Должен ли он ограничиваться запрещением производства нового расщепляющегося материала, и должен ли он включать положения о материале, уже существовавшем до его вступления в силу? Первый вариант просто заморозил бы нынешнюю ситуацию. Ему недоставало бы всякого динамизма в русле реального разоружения. Он не добавлял бы никакого обязательства применительно к государствам, не обладающим ядерным оружием, таким как Бразилия, которые уже связаны Договором о нераспространении. Применительно же к государствам, обладающим ядерным оружием, такой договор, ограничиваясь запретом на производство, определенно накладывал бы ограничения на рост их запасов, но он вовсе не обязательно предполагал бы какие-то меры контроля, не говоря уж об их сокращении, а тем более – ликвидации.

Поистине значимый договор должен был бы не только касаться производства, но и включать расщепляющийся материал для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, которые уже существовали до его вступления в силу.

Как обычно утверждается, мандат, содержащийся в документе CD/1299 от 1995 года, известный как мандат Шеннона, не исключает возможности более всеобъемлющей сферы охвата на предмет переговоров. Документ CD/1864 от 29 мая 2009 года, содержащий программу работы, которая тогда снискала себе единодушную поддержку, ограничился, в том что касается проблемы расщепляющегося материала, ссылкой на мандат Шеннона.

Поскольку осуществить эту программу работы не удалось, были предприняты еще две попытки. Беларусь выдвинула предложения в документе CD/WP.599, а Бразилия – в документе CD/1889. В последнем была предпринята попытка внести больше ясности в плане учета расщепляющегося материала, уже существующего в момент вступления договора в силу.

Как уже было сказано, мандат Шеннона вовсе не исключает вопрос о запасах. Однако нельзя и отрицать, что ожесточенное сопротивление некоторых государств-членов пусть даже широкому упоминанию уже существующего расщепляющегося материала можно расценивать как предвестник отказа от улаживания этого вопроса на переговорах.

Мандат не может быть абрисом договора, но он должен давать представление об игровом поле. В этом отношении, чтобы приступить к переговорам, некоторым государствам необходимо иметь как можно более четкую картину предполагаемой сферы охвата. Вне всяких сомнений, договор должен бы среди прочего содержать определения и устанавливать верификационную систему. Но поскольку сфера охвата договора не может быть установлена с такой определенностью, в мандате должны содержаться кое-какие указания.

И совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о том, чтобы блокировать любое решение об открытии переговоров исходя из представлений о безопасности, особенно когда имеет место подавляющая поддержка переговоров со стороны государств, не обладающих ядерным оружием, и в особенности если возражение исходит от государства, обладающего ядерным оружием. Это равносильно тому, чтобы противиться всяким переговорам по любой разоруженческой проблеме. Государство-член, свободно присоединившееся к Конференции по разоружению, целью которой являются переговоры о правовых инструментах по разоружению и контролю над вооружениями, не может ссылаться на свою ситуацию в плане безопасности с тем, чтобы предотвратить переговоры, сочтенные целесообразными если не всеми, то значительным большинством государств-членов. И я хотел бы акцентировать этот тезис. Долг каждого государства – обеспечивать безопасность своих граждан. А между тем эта безопасность не может основаться на оружии массового уничтожения.

Уже давно бы пора понять, что заботы по поводу национальной безопасности не являются исключительным интересом государств, обладающих ядерным оружием. Это подразумевало бы, что ядерное оружие необходимо для безопасности государства. И ведь есть государства, помимо тех, кто обладает ядерным оружием, которые, ставя себя под защиту ядерных арсеналов других государств, объективно принимают эту ситуацию.

Подведем итог: переговоры по договору о расщепляющемся материале для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств следует начать оперативно на основе мандата, содержащего минимум ясности в отношении сферы охвата предусмотренного инструмента.

Работа, которая должна быть предпринята Конференцией по разоружению по договору о расщепляющемся материале, носит прежде всего и в первую очередь политический характер. Но очевидно и то, что она потребует и немало-го технического мастерства. Но давайте не будем полагать, будто проблемы будут разрешены на технических совещаниях. В этом смысле переговоры по расщепляющемуся материалу аналогичны многим процессам в других областях, где технический компонент имеет существенное значение для поддержки политических решений. И для дипломатов в этой ситуации нет ничего необычного.

Вопросы, касающиеся среди прочего определений и проверки, носят сугубо сложный характер и допускают разнообразные решения. Позвольте мне напомнить, что политико-дипломатические переговоры не являются научным экспериментом, и наши постулаты, хотя и предпочтительно, чтобы они носили технически рациональный характер и исходили из твердой логики, есть производное прежде всего и в первую очередь от интересов и целей государств, которые мы представляем.

Как свидетельство того, что мандат на переговоры может носить как всеобъемлющий, так и гибкий характер, в прошлом году Бразилия предложила документ CD/1888, содержащий абрис структуры для составления договора по расщепляющемуся материалу. Эта инициатива свидетельствует о приверженности и открытости Бразилии применительно к этому предприятию.

Если нам удастся начать переговоры по действительно всеобъемлющему инструменту о расщепляющемся материале, то мы поистине добьемся важного и конкретного прогресса в русле разоружения. Это будет не просто мера укрепления доверия или политическая инициатива. Существенное условие для этого состоит в том, чтобы переговоры охватывали эту проблематику в полном объеме. Необходимо также вовлечь в переговоры всех обладателей ядерного оружия. Вместе с тем мы можем допустить, что результат не будет носить исчерпывающий характер, будучи полностью закрыт для будущей эволюции.

Надлежащим же форумом является данная Конференция по разоружению, которая располагает переговорным мандатом. Параллельный оперативный процесс не может обеспечить участие всех государств, необходимое для инструмента по ядерному разоружению. Нам недостаточен политический жест, указывающий на добрую волю стран-единомышленниц. Это не может быть предприятием так называемой аристократической многосторонности.

Продолжительные, сложные переговоры потребуют среди прочего институциональной структуры, содействия со стороны технического и непременно беспристрастного секретариата и специализированных делегаций. Такие переговоры не могут быть обеспечены группой благонамеренных единомышленников, собирающихся в кулуарах Генеральной Ассамблеи или других органов, разве что реальная цель заключается в притворных переговорах, лишенных предметного содержания.

Как я уже упоминал, вы принимаете управление этим форумом в особенно актуальный момент.

К концу июля Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций проведет совещание относительно Конференции по разоружению. Там пройдут дебаты, и, как я полагаю, нельзя исключать принятия одной или нескольких резолюций.

С совещания высокого уровня в Нью-Йорке в сентябре прошлого года мы слышали много выступлений о состоянии Конференции по разоружению и о ее будущем. Исходя из этого нелегко выполнить экстраполяцию четкой тенденции мнений. Имеет место некоторое колебание между явной поддержкой на тот счет, чтобы и впредь прилагать усилия на этом форуме, и на тот счет, чтобы поискать иной институциональный маршрут. На другой стороне спектра многие ратуют за созыв четвертой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Ну а третьи, похоже, предпочитают разовые спонтанные и туманные решения.

У меня нет намерений вступать сейчас в эту полемику. Вместе с тем тут важно четко представлять себе, что нашей целью должно оставаться истинное разоружение и мир, свободный от ядерного оружия. И эта цель не может свалиться с неба – она будет достигнута за счет всеобъемлющих договоров, выработанных переговорным способом в подлинно многостороннем режиме и на прочной институциональной основе.

Спустя лишь несколько дней после заседания Генеральной Ассамблеи запланирована встреча пяти государств, обладающих ядерным оружием, которые признаны по ДНЯО. И хотелось бы надеяться, что Генеральная Ассамблея пошлет этим пяти государствам сильный сигнал с целью помочь этой встрече достичь содержательных результатов, и в том числе относительно соблюдения ими ДНЯО.

Ну а в преддверии этих предстоящих событий важно, чтобы в ходе колумбийского председательства Конференция по разоружению обсудила их возможные и желательные исходы. Эти дискуссии и ожидаемое принятие программы работы должны занимать наше внимание в предстоящие недели под вашим умелым руководством.

Нам нет нужды усиливать разочарованность мировой общественности и демобилизованность молодежи, о чем явно свидетельствует нынешний низкий интерес гражданского общества к ядерному к разоружению по сравнению с обширными движениями предыдущих десятилетий и внимание, уделяемое другим вопросам, таким как изменение климата или финансовые регламентации. Мы не можем позволить себе нанести урон политической структуре, созданной для того, чтобы направить в нужное русло разоруженческий политический процесс. Если мы не довольны своей деятельностью и ее результативностью, то нам следует напомнить себе, что именно нам надлежит стремиться к достижению результатов.

Строить ведь всегда труднее, чем разрушать.

Г-н Манфреди (Италия) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, поскольку я впервые беру слово под вашим председательством, я хотел бы выразить вам самые теплые поздравления моей делегации и заверить вас в нашей максимально возможной поддержке в связи с вашей задачей.

Как вы знаете, в соответствии с решениями Конференции по разоружению, как содержится в документе CD/1907, я возглавлял в качестве координатора два неофициальных заседания, которые проходили 17 и 18 мая 2011 года по пунктам 1 и 2 повестки дня с общим акцентом на договор о прекращении производства расщепляющегося материала (ДЗПРМ). С вашего позволения и согласно документу CD/1907 сегодня я хочу представить под свою собственную ответственность устный доклад об исходе этих неофициальных дискуссий.

В свете предыдущих дискуссий по теме ДЗПРМ и с целью избежать повторений и обеспечить наибольшую степень фактологичности и полезности дебатов дискуссии были сфокусированы на двух конкретных аспектах ДЗПРМ, а именно: на его структуре и определениях.

Чтобы облегчить дебаты и позволить делегациям лучше подготовить свои заявления, 13 мая 2011 года письмом всем делегациям я выдвинул кое-какие предложения на тот счет, как можно было бы провести два заседания, и привел перечень основных документов Конференции, которые могли бы послужить в качестве справочного материала.

Я, однако, подчеркнул, что правила процедуры дают делегациям право заниматься любой соответствующей темой. В данном случае заседание от 17 мая было посвящено вопросу о структуре ДЗПРМ, а заседание от 18 мая – было сфокусировано на определениях. Несколько делегаций также сделали общие заявления о целях и роли такого договора в более широком контексте ядерного разоружения.

Присутствие экспертов из столиц придало работе добавленную стоимость и позволило двум заседаниям более детально рассмотреть определенные специфические юридические и технические аспекты договора.

В ходе обоих заседаний были сделаны многочисленные ссылки на доклад Шеннона и на мандат Шеннона в документе CD/1299 от 24 марта 1995 года, чья неизменная действительность не ставилась под вопрос. Были, в особенности, подтверждены принципы на тот счет, что ДЗПРМ должен быть недискриминационным, многосторонним и поддающимся эффективной международной проверке.

При обсуждении структуры договора о прекращении производства расщепляющегося материала были изучены различные возможные решения и были идентифицированы их достоинства и недостатки. В целом международные договоры могут быть разбиты на две основные категории, а именно: договоры с единым текстом (такие как Конвенция по химическому оружию) и договоры с основным текстом в сочетании с прилагаемыми протоколами, приложениями и добавлениями. В случае последнего типа договора основной текст и его приложения могут быть предметом параллельных переговоров и иметь единый механизм вступления в силу (как в случае Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний), или же основной текст и его приложения могут быть предметом отдельных переговоров и содержать разные положения о вступлении в силу (как в случае Конвенции о конкретных видах обычного оружия).

Нередко делалась ссылка и на бразильское предложение в документе CD/1888 от 14 июня 2010 года, которое выдвинуло каркас договора, содержащий сферу охвата, определения и заключительные положения, в сочетании с двумя протоколами. Один из протоколов касался бы запрета на производство расщепляющегося материала для ядерного оружия и других правил относительно существующего расщепляющегося материала. Оба протокола также содержали бы соответствующие надлежащие верификационные положения. Структура такого рода позволяет принять постепенный подход, облегчая переговоры по менее спорным элементам, с тем чтобы на более поздних стадиях добиться прогресса по более сложным элементам. Решение такого рода, однако, может быть сопряжено и с двумя потенциальными проблемами. В первую очередь, отложив переговоры по более спорным проблемам, мы рискуем столкнуться позднее с непреодолимым затором по одному или обоим протоколам. Другой недостаток этого подхода состоит в том, что он может произвести на свет чрезмерно слабый ДЗПРМ, особенно если присоединение к обоим протоколам не будет носить обязательный характер.

Большинством делегаций был сочтен неподходящим ДЗПРМ по модели Конвенции о биологическом оружии или Конвенции о конкретных видах обычного оружия. В случае модели Конвенции о биологическом оружии ему недоставало бы положений, а в случае решения по модели Конвенции о конкретных видах обычного оружия, которая является рамочным договором, сопряженным с дополнительными протоколами, разработанными впоследствии, он мог бы дать беззубый конечный продукт, если не будет достигнуто согласия по всем протоколам.

Было рассмотрено и решение по модели ДНЯО, состоящего из краткого основного текста в сочетании с согласованной впоследствии системой проверки на основе всеобъемлющих гарантий и дополнительных протоколов Международного агентства по атомной энергии. Многие делегации, однако, предостерегали, что достижение понимания по проверке и реализации на более позднем этапе не было бы делом определенным, а неспособность сделать это могла бы нанести ущерб убедительности и эффективности договора.

Как было сочтено, достоинство модели Конвенции по химическому оружию (очень детальный текст, содержащий также необходимые приложения по материалам, по проверке и по другим техническим вопросам) состоит в ее вступлении в силу в полном объеме, а недостаток – в обозримых длительных и сложных переговорах.

В ходе дискуссий не было выдвинуто возражений против предложения о том, чтобы ДЗПРМ не имел конечного срока действия.

В ходе дебатов было уделено значительное внимание положениям о вступлении в силу, которые были расценены как ключевые элементы для эффективности договора. Тем не менее большинством был сочтен порочным прецедент Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Многие делегации полагали, что необходимо новое решение, которое позволило бы с самого начала переговоров вовлечь все государства – обладатели ядерного оружия и государства, обладающие ядерным оружием, избегая, однако, принятия положений, которые позволяли бы одной стране или малому меньшинству стран блокировать вступление договора в силу. Другие, наоборот, сочли, что, дабы начать переговоры, достаточно простого присутствия "ядерной пятерки".

При обсуждении определений в качестве одного из его главных и определяющих факторов всплыла сфера охвата ДЗПРМ. Основная цель договора, как ясно дали понять все делегации, заключается в запрете производства расщепляющегося материала для ядерного оружия, гарантируя при этом право на использование таких материалов в мирных целях. И соответственно, определения должны принимать в расчет это требование. Некоторые делегации указали, что определения не должны быть чрезмерно ограниченными и столь жесткими, чтобы нам быть не в состоянии принимать в расчет технологическое развитие. Однако они и не должны быть столь широкими, чтобы включать материалы, использование которых в немирных целях в значительной мере невероятно, а их включение в договор повысило бы соответствующие верификационные издержки до неприемлемого уровня. Делегации также сочли желательным, чтобы договор содержал положения на тот счет, чтобы упрощать модификацию определений в русле технического прогресса.

В ходе дискуссий по теме определений некоторые делегации ратовали за тщательное изучение необходимости включения трансурановых элементов, таких как америций и нептуний, в связи с которыми, похоже, возрастает степень их пригодности для оружейного использования.

В рамках положений об определениях несколько делегаций указали, что следует предусмотреть и положение в отношении позволенного использования расщепляющихся материалов, дабы избежать ущемления договором о прекращении производства расщепляющегося материала неотъемлемого права стран на использование ядерных ресурсов как в мирных, так и в военных целях, таких как ядерные силовые установки, которые не связаны непосредственно с изготовлением ядерных боеголовок и других боеприпасов.

С учетом того, что основной целью ДЗПРМ будет запрет на производство расщепляющегося материала для изготовления ядерного оружия, переговоры по договору, как указали большинство делегаций, будут непременно касаться и расщепляющегося материала, уже существовавшего до его вступления в силу. В течение двух дней неофициальных дискуссий стало ясно, что самой спорной проблемой в ракурсе переговоров остается вопрос о существующих запасах расщепляющегося материала.

Дебаты выдвинули на передний план широко распространенное мнение о том, что реализацию верификационных механизмов, а возможно, и даже их определение можно было бы поручить МАГАТЭ с тем пониманием, что придется соответственно укрепить людские и финансовые ресурсы Агентства. Несколько делегаций также подчеркнули необходимость того, чтобы проверка была нацелена и на заводы по производству расщепляющегося материала. В более общем смысле следует уделить пристальное внимание эффективности верификационных положений, дабы не подрывать убедительность всего ДЗПРМ. С этой целью, а также с целью оценки общей осуществимости договора эффективность проверки должна включать и анализ затратывгодности всей системы.

Принимая в расчет вышеупомянутые требования, большинство делегаций полагали, что определения и верификация должны либо как можно больше вдохновляться статьей XX Устава Международного агентства по атомной энергии, либо полагаться на содержащиеся там принципы "прямого использования", а также на систему всеобъемлющих гарантий. А с учетом специфических особенностей такого договора придется произвести и корректировки.

Два неофициальных заседания Конференции по разоружению, посвященные ДЗПРМ, конечно, не имели переговорного мандата, и от них не ожидалось каких-то твердых и жестких выводов. Тем не менее тенденции дискуссий и указания на предпочтения делегаций по различным проблемам, похоже, вычлениют то, что может оказаться полезным в будущем, чтобы облегчить переговоры.

Председатель (*говорит по-испански*): Спасибо послу Италии за его слова. Как мне представляется, всем нам важно, пользуясь возможностью, поразмыслить над тем, что он сказал в своем заявлении обо всех тех заседаниях, которые были проведены, обо всех тех заседаниях, которые показывают, что мы не в состоянии двигаться вперед и достигать согласия по таким деликатным проблемам сегодняшнего мира. Я думаю, что это было очень важное мероприятие, но мне думается, что наше сегодняшнее мероприятие состоит в том, чтобы гораздо больше сфокусироваться на преодолении затора на Конференции по разоружению. А сейчас слово имеет посол Пакистана Замир Акрам.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Прежде всего, г-жа Председатель, позвольте мне поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению. Мы рассчитываем на продуктивную и плодотворную сессию под вашим руководством. Заверяю вас в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации с вами в исполнении ваших обязанностей. Позвольте мне также, пользуясь возможностью, прежде всего выразить глубокое восхищение и признательность в связи с блестящим заявлением, которое в очередной раз сделал наш уважаемый коллега посол Бразилии. Очевидно, что в его заявлении есть кое-какие тезисы, с которыми мы не вполне согласны, но я надеюсь, что заявление, которое я сделаю сейчас, осветит наши воззрения или по крайней мере даст некоторое представление о наших воззрениях по проблемам, которые он поднял.

Г-жа Председатель, в своем вступительном слове сегодня утром вы подчеркнули, что нам необходимо сфокусироваться на эволюции и разработке программы работы и представить конкретные предложения на этот счет. И я надеюсь, что заявление, которое мы сейчас произнесем, как раз и сделает это. Между тем цель выступления моей делегации сегодня утром состоит в том, чтобы прокомментировать недавнюю статью под названием "Дисфункциональное разоружение", которая была написана Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Мы считаем, что это своевременная статья, которая отражает приоритет, отводимый Генеральным секретарем Конференции и ее повестке дня, а также его личную вовлеченность по этой важной проблеме.

Мы полностью согласны с признанием Генерального секретаря, что "за 15 лет Конференция по разоружению не смогла добиться сколько-либо предметного прогресса". И похоже, что эта истина ускользает от некоторых делегаций, которые стремятся создать впечатление, будто Конференция не оказывается в состоянии вести переговоры лишь в последние два года. И по меньшей мере удивительно, что как раз те страны, которые сегодня наиболее велеречиво осуждают нынешний застой, либо сами ответственные за этот застой, либо примечательно хранили молчание в последнее десятилетие и только сейчас обрели голос, квалифицируя этот тупик как неприемлемый.

Генеральный секретарь также высвечивает статус Конференции как единственного многостороннего форума переговоров по разоружению и советует всем нам, чтобы Конференция не функционировала в обыденном деловом режиме, а работала над тем, чтобы преодолеть свой паралич.

И поистине очень жаль, что Конференция не смогла реализовать то видение, которое и привело к ее созданию на первой специальной сессии Организации Объединенных Наций по разоружению. Ведь в связи с самим смыслом своего существования, а именно в связи с ядерным разоружением, Конференция полностью парализована с момента ее создания 32 года назад.

Поэтому нам пора взглянуть фактам в лицо и признать причины, по которым Конференция по разоружению, по словам Генерального секретаря, стала "дисфункциональной".

В этом отношении я хотел бы подчеркнуть следующие фундаментальные факты.

Во-первых, Конференция не функционирует в вакууме. Ее работа и отдача зависят от преобладающих политических реальностей.

Во-вторых, прогресс на переговорах Конференции зависит от удовлетворения или улаживания забот всех членов Конференции по поводу безопасности. Никакой договор не можно стать здесь предметом переговоров, если он противоречит интересам безопасности любого государства-члена. И как раз чтобы обеспечить это, в правила процедуры Конференции и было включено правило консенсуса.

В-третьих, было бы неверно относить собственно дефицит прогресса на Конференции на счет ее правил процедуры, и в частности правила консенсуса. Конференция успешно провела с теми же правилами процедуры переговоры по таким этапным инструментам, как Конвенция по химическому оружию и Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. С другой стороны, сегодня, поскольку к этому готовы не все члены, имеет место дефицит прогресса по ядерному разоружению, негативным гарантиям безопасности, предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве (ПГВКП) и ДЗПРМ. И по-

этому препятствие к прогрессу на Конференции по разоружению не имеет ничего общего с ее правилами процедуры.

В-четвертых, в истории Конференции четко проявляется обычный шаблон: переговоры ведутся только по тем соглашениям, которые не подрывают и не ущемляют интересов безопасности государств, и особенно крупных держав. Конвенция по биологическому оружию и Конвенция по химическому оружию стали предметом переговоров только после того, как обладание колоссальными количествами ядерного оружия сделано биологические и химические оружейные системы излишними и избыточными для крупных держав. Точно так же крупные державы стали готовы к заключению Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний только после того, как они провели достаточное число ядерных испытаний и дальнейшие испытания стали для них ненужными. То же самое имеет место и в случае с ДЗПРМ. Теперь, нарастив колоссальные запасы ядерного оружия, а также запасы расщепляющегося материала, и особенно высокообогащенного урана и оружейного плутония, который может быть быстро превращен в ядерные боезаряды, эти крупные державы готовы заключить договор, который запретит лишь будущее производство расщепляющегося материала, поскольку им уже не нужно его еще больше. Для них этот подход носит поистине "беззатратный" характер, поскольку он не будет подрывать или ущемлять их безопасность. И по этой причине ДЗПРМ был бы беззатратным для крупных держав точно так же, как и в случае Конвенции по биологическому оружию, Конвенции по химическому оружию и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

В последние два года Пакистан четко излагал причины, по которым он не может согласиться на переговоры на Конференции по договору о прекращении производства расщепляющегося материала. И эти причины стоит повторить и сегодня. Это обусловлено практикуемой некоторыми крупными державами дискриминационной политикой по ядерному сотрудничеству, которая усиливает асимметрию в запасах расщепляющегося материала у нас в регионе в ущерб пакистанским интересам безопасности. И тут важно подчеркнуть, что эту ситуацию создал не Пакистан. И позвольте мне повторить: тут важно подчеркнуть, что эту ситуацию создал не Пакистан. Мы были вынуждены занять эту позицию по причине селективных и дискриминационных действий определенных государств в нарушение их собственных национальных и международных обязательств, в погоне за прибылью и в духе сомнительных концепций "холодной войны" в плане сдерживания и баланса мощи.

А в результате на алтарь мощи и корысти был принесен в жертву и международный нераспространенческий режим. Ну а то, что члены Группы ядерных поставщиков поступились своим правом противодействовать этому шагу, лишь превращает в посмешище и ДНЯО, и МАГАТЭ и саму Группу ядерных поставщиков. Так что давайте не будем прикидываться и ханжески рассуждать о защите Конференции и продвижении разоружения.

Как, наверное, помнит этот благородный орган, 28 февраля 2011 года представитель крупной державы заявил, что она готова постараться "учитывать законные национальные интересы" государств. Но пока ведь так и не предпринято никаких таких усилий к тому, чтобы учесть наши озабоченности. Вопреки этим обнадеживающим словам мы становимся свидетелями скоординированной кампании в явно податливых и предвзятых западных СМИ с целью распространить гипертрофированные заявления о стратегическом потенциале и способности Пакистана, которые носят абсолютно нереальный и беспочвенный характер.

Нам также небызвестно, что некоторые державы предаются спекуляциям о том, чтобы применить так называемый "нажим" на Пакистан, дабы вынудить нас согласиться на переговоры по ДЗПРМ. Со всем должным смирением я бы отослал их к результатам санкций против Пакистана до и после ядерных испытаний 1998 года. Урок тут прост: чтобы обеспечить свою безопасность, мы не стоим за ценой, как бы велика она ни была.

Пакистан со всей четкостью и честностью прямо артикулирует свои озабоченности. Нам тут нечего скрывать. Правительство Пакистана четко заявляет на самых высоких уровнях, что оно не позволит ущемить свой убедительный потенциал сдерживания. Ни от одной страны нельзя ожидать, что та поступится своими фундаментальными интересами безопасности ради инструмента, который был бы "беззатратным" для всех других стран.

Чтобы добиться прогресса в работе Конференции, нам нужно отделить факты от вымыслов. Нам нужно признавать реальности и работать в русле выстраивания консенсуса на Конференции с учетом законных интересов безопасности всех государств. С точки зрения Пакистана это требует переговоров по договору о расщепляющихся материалах, который не только запрещал бы будущее производство, но и предполагал сокращение запасов расщепляющегося материала. Ровная игровая площадка может возникнуть только тогда, когда за счет сокращений будет улажена проблема асимметрии запасов. И поэтому мы выступаем не за договор о прекращении производства расщепляющегося материала, а за договор по расщепляющемуся материалу, который будет истинным разоруженческим инструментом, а не просто квазинераспространенческой мерой.

Пакистан также по-прежнему готов вести переговоры о договорах по другим ключевым проблемам повестки дня Конференции, а именно: ядерное разоружение, негативные гарантии безопасности и предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве.

Действительно, мы твердо верим, что негативные гарантии безопасности особенно созрели для переговоров, поскольку заключение такого инструмента не ущемляло бы стратегических интересов любой страны. В реальности никакое государство, обладающее ядерным оружием, не должно бы предусматривать применение ядерного оружия против любого государства, не обладающего ядерным оружием. Морально предосудительна даже угроза сделать это.

Рассматривая недавнюю статью Генерального секретаря, Конференции следует помнить и о новаторском вкладе Генерального секретаря в его заявлении в октябре 2008 года под названием "Организация Объединенных Наций и безопасность в мире, свободном от ядерного оружия". В этом заявлении Генеральный секретарь осветил пятизвенное предложение в отношении дорожной карты в русле ядерного разоружения. Первый этап, предлагаемый Генеральным секретарем, призывает все государства, и в особенности государства, обладающие ядерным оружием, выполнить свои обязательства по ДНЯО предпринять переговоры об эффективных мерах, ведущих к ядерному разоружению. Что касается процесса, за счет которого это может быть достигнуто, то Генеральный секретарь предположил, что ядерным державам следует активно взаимодействовать с другими государствами по этой проблеме на Конференции по разоружению в Женеве, которую он признал как единый мировой многосторонний форум переговоров.

Второй этап, идентифицированный Генеральным секретарем, состоит в том, чтобы призвать постоянных членов Совета Безопасности недвусмысленно заверить государства, не обладающие ядерным оружием, что те не будут подвергаться применению или угрозе применения ядерного оружия.

Но вот то, что мы наблюдаем здесь, на Конференции по разоружению, является собой попытку снять сливки с дорожной карты, идентифицированной Генеральным секретарем. Быть может, такого рода подход к разоружению по принципу "меню" и желателен для одних стран, но он все же неприемлем для других.

Генеральный секретарь в своей статье также напомнил нам, что членство в Конференции по разоружению – это привилегия. Ясно, что эта привилегия требует еще и ответственности, и как указал Генеральный секретарь в своем октябрьском заявлении 2008 года, государствам, обладающим ядерным оружием, нужно выполнить свои обязательства предпринять на Конференции переговоры по эффективным мерам, ведущим к ядерному разоружению. К сожалению же, как показывает опыт, некоторые из основных государств, обладающих ядерным оружием, несмотря на свою назидательную риторику, последовательно противятся переговорам на Конференции по ядерному разоружению, а также по негативным гарантиям безопасности. И это поистине делает посмешищем и их привилегию, и их ответственность.

Прежде чем закончить, я хотел бы высказать нотку предостережения в контексте выдвигаемых некоторыми из наших коллег предложений, которые подрывали бы эффективность и центральный статус Конференции в качестве единого мирового многостороннего форума переговоров по разоружению.

Позвольте мне совершенно четко сказать, что Пакистан не будет стороной любых переговоров по ДЗПРМ вне Конференции по разоружению, и мы полагаем, что даже в том маловероятном случае, если такие переговоры дадут результат, такой исход будет мертворожденным и мы не будем им связаны.

Во-вторых, на наш взгляд, идея о том, что урезать или ограничить финансирование Конференции, представляется нам радикальной и неосуществимой. По этой логике нужно было бы закрыть и несколько многосторонних организаций, которые переживают застой. Неужели же нам следует применить этот принцип, например, к Всемирной торговой организации, а то и к Совету Безопасности Организации Объединенных Наций, который несколько десятилетий оказывается не в состоянии осуществлять свои решения по ключевым глобальным проблемам?

Г-н Монтальво (Эквадор) (*говорит по-испански*): Прежде всего мы хотели бы выразить нашу признательность послу Китая и его делегации за приложенные ими усилия по ведению председательства на данной Конференции, что есть нелегкое дело с учетом того паралича, который уже так долго поражает это учреждение.

В то же время нам хотелось бы самым теплым образом приветствовать посла Аранго, которая принимает сегодня это председательство и которую поджидают аналогичные вызовы. Нас радует, что нашу работу будет направлять женщина и коллега из латиноамериканской и карибской группы. И мы выражаем вам, посол Аранго, самые искренние поздравления и заверения в полном сотрудничестве эквадорской делегации, и наше короткое выступление сегодня утром в принципе и призвано поддержать ваше рабочее предложение и вашу методологию. При этом позвольте нам напомнить вступительное слово Эквадора в качестве Председателя Конференции по разоружению в 2001 году.

Десять лет назад, с того же самого места, которое занимает сейчас вы, наша страна давала зарок положить конец тому параличу, который поражает этот орган с 1998 года. И мы даже отдаленно не могли бы заподозрить, что это затянется еще на много лет. Мы напомнили тогда, что Эквадор присоединился к этой многосторонней организации, чтобы участвовать в переговорах о всеобщем и полном разоружении, о нераспространении и о контроле над вооружениями. В качестве наблюдателя мы шестнадцать долгих лет дожидались реализации своей цели – войти в состав этого благородного форума. И тогда, как и любой новичок член, мы имели надежды, иллюзии и слепую веру в его цели. И вот спустя еще тринадцать лет мы все еще выжидаем, но теперь, как и многие присутствующие здесь страны, мы уже поутратили иллюзии.

Мы так долго и с таким энтузиазмом рассчитывали стать членом этого органа, который, едва мы в него вошли, впал в стагнацию и бездействие. В каком-то смысле мы стали бессильными пособниками негативной, обескураживающей и малопродуктивной ситуации, которая, как напомнил минуту назад посол Бразилии, побуждает кое-кого даже задаваться вопросом о его существовании. Речь идет о негативной ситуации, которая в данный момент даже превалирует над самыми благородными интересами человечества и сохранения мира и мирного сосуществования во всех его аспектах.

Но самое печальное и самое прискорбное для нас, для делегации, состоит в том, что, с тех пор как мы стали членом этой Конференции, мы ни разу не видели в рамках этого форума ни одних переговоров. И как сказал также посол Маседу, строить всегда труднее, чем разрушать.

Как и во времена римского сената, мы произносим тут очень хорошие речи и тут, на форуме, имеются превосходные ораторы и мы видим людей, у которых есть множество вдохновляющих и инновационных идей и предложений. Но отличие данной Конференции от римского сената состоит в том, что в последнем превалировал здравый смысл и трезвое суждение на тот счет, чтобы встречать вызовы и брать на себя обязанности, равно как и принимать решения. Они никогда не впадали в зависимость от правил процедуры и от языковых проблем, как упоминали в своем вводном слове и вы, г-жа Председатель. И в том виде, как есть, такие правила, будучи призваны облегчать работу, не могут сами по себе становиться вопросами существа и содержания, да еще и в такой мере, что это лишало бы данную Конференцию ее истинной природы и смысла ее существования. И поэтому, как верно указал несколько минут назад посол Пакистана, было бы неверно относить дефицит прогресса на этой Конференции на счет таких правил процедуры, что является лишь пустым предлогом, тогда как истинные и реальные причины этого лежат в другой плоскости.

И вот мы, члены, так или иначе чувствуем, что мы искажаем мандат наших народов и обществ, которые, если бы они могли посетить эти заседания и принять в них участие, с недоумением и озадаченностью констатировали бы паралич, которым мы поражены, статус-кво или затор, который вы подчеркивали, г-жа Председатель, и который с каждым днем становится все более нетерпимым и неоправданным. И как раз поэтому мы и отстраняем их от участия в этом органе, хотя, как ни курьезно, их активное участие культивируется на других многосторонних форумах.

Однако, г-жа Председатель, поскольку надежда умирает последней, а нам еще присущ идеалистический менталитет новичка, мы надеемся, что вы преуспеваете в своей миссии, а Конференция по разоружению начнет ваше председательство с предметной работы и в конечном итоге сможет принять программу предметной работы как действенный механизм на предмет мира и безопасно-

сти, как вы подчеркнули в своей речи. И в этом отношении, как я уже говорил вначале, тут вы можете рассчитывать на полную поддержку нашей делегации и на наше содействие как в плане ваших усилий по культивированию инклюзивного диалога, так и в плане указанных вами предметных и зрелых предложений, равно как и в плане методологии, которой вы будете следовать, и роли председательства, и мы с удовольствием принимаем ваше приглашение, ибо мы полагаем, что Конференция по разоружению должна быть укреплена, реактивирована и мобилизована за счет ее истинных целей и смысла ее существования и могла бы рассчитывать на гражданское общество, которое было бы представлено в этом зале должным образом, и на страны-наблюдатели, но уже не в качестве таковых, а в качестве полноправных членов со всеми привилегиями и обязанностями, которые упоминались тут несколько минут назад.

Г-н Ван Цюнь (Китай) (*говорит по-китайски*): Г-жа Председатель, китайская делегация хотела бы поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению. Мы надеемся, что под вашим руководством Конференции удастся добиться прогресса. Сейчас она переживает критический момент. Отрадно, что с начала этого года она набрала хорошую динамику; все стороны изъявили политическую волю к тому, чтобы как можно скорее преодолеть затор, и прилагают неуклонные усилия с этой целью. Китай отмечает, что в течение вашего срока председательских полномочий вы намерены и далее направлять неустанные усилия делегаций в русло принятия программы работы и начала предметной работы на Конференции, и это мы высоко ценим.

В ходе своего недавнего председательства Китай высказал ряд мнений по программе работы, и мы не будем их здесь повторять. Мы полагаем, что если все государства-члены будут работать сообща, продолжать крепить уверенность, повышать взаимное политическое доверие, проявлять политическую мудрость и практиковать верный образ мышления и подход к работе, то Конференция сможет добиться прогресса.

Китай готов активно сотрудничать с вами в вашей работе и поддерживать тесное сотрудничество с другими коллегами в рамках совместных усилий для продвижения вперед работы Конференции.

Г-н Джазайри (Алжир) (*говорит по-арабски*): Г-жа Председатель, вначале я хочу выразить нашу глубокую признательность послу Китая за те огромные усилия, которые он предпринимал в ходе своего председательства на нашей Конференции. Кроме того, я хотел бы выразить наше глубокое удовлетворение по поводу того, что вы принимаете бразды правления нашей работой. Вы первая женщина на посту Председателя в этом году, и, возможно, это является для нас добрым предзнаменованием. В этой связи я вспоминаю ценное заявление, обращенное к Конференции на ее заседании 8 марта 2011 года Международной лигой женщин за мир и свободу, которое содержало в себе сильный заряд поддержки; Лига должна иметь о нас хорошее мнение. Я заверяю Вас, г-жа Председатель, в поддержке моей делегации. Мы призываем различные делегации сплотиться вокруг вас и оказывать помощь, которая вам требуется.

Я просил предоставить мне слово сегодня, чтобы коснуться вопроса о программе работы в свете того, что вы нам предложили. Сегодня Конференция находится на перепутье, которое, я бы сказал, окутано туманом, и нынешний тупик является предметом реального беспокойства.

Международному сообществу трудно понять, почему мы в течение 15 лет топчемся на месте, в то время как проблемы, стоящие перед Конференцией, с каждым днем становятся все более серьезными. Ситуация Конференции уни-

кальна: другие разоруженческие механизмы Организации Объединенных Наций не сталкиваются с такими препятствиями. Конференция вызывает беспокойство в силу ее важности для международного сообщества. Если мы хотим, чтобы Конференция оставалась единственным многосторонним форумом переговоров по разоружению, то логически мы должны активизировать наши усилия и дать ей возможность сохранить свою ключевую роль. Именно почему важно достичь консенсуса по проекту программы работы, который позволит Конференции выполнять свой мандат. Конечно, желаемая программа работы является не самоцелью, а лишь консенсусным инструментом, который позволит нам начать работу по заключению международных договоров, воплощающих в себе принцип ненанесения ущерба коллективной безопасности всех государств.

Работа Конференции вращается вокруг политических вопросов, которые носят очень чувствительный характер, поскольку они касаются безопасности государств; известное нам отсутствие консенсуса во взглядах обусловлено в основном отсутствием консенсуса по порядку приоритетов в контексте стратегий обеспечения безопасности и балансов на региональном и международном уровнях. Всякий раз, когда государство или группа государств считает, что какая-либо программа работы или какие-либо переговоры будут наносить ущерб их безопасности, нам не следует ожидать того, что они будут действовать в ущерб своим интересам. Фундаментальной обязанностью любого государства является защита безопасности своего народа, как сказал посол Пакистана. Вместе с тем, как указал посол Бразилии, эта безопасность не должна фокусироваться на сохранении оружия массового уничтожения, или, если быть более точным, оружия, которое способно полностью уничтожить человечество. В этом контексте доверие к любой программе работы, как и к любому другому механизму, зависит от уверенности всех сторон в том, что она учитывает их озабоченности по поводу безопасности. Безопасность одних не может быть построена на основе, которая не учитывает безопасность других. Поэтому важное значение имеет необходимость достижения всеобъемлющей, сбалансированной программы работы, которая сможет примирить различные приоритеты и воплотить в себе концепцию коллективной безопасности.

Алжир привержен Конференции по разоружению и всегда был заинтересован в том, чтобы она выполняла свои функции. Он выдвинул множество идей и предложений, включая решение CD/1864 по программе работы, которое было принято консенсусом в 2009 году; мы по-прежнему считаем, что это решение представляет собой отличную основу для начала работы. Конечно, этот документ не является достаточным для удовлетворения желаний всех сторон, включая чаяния и моей собственной страны, но это отправная точка на длинном пути, который, мы надеемся, в конечном итоге приведет к переговорам по всем фундаментальным вопросам.

Один из основных моментов, который нередко упускают из виду некоторые стороны, состоит в том, что этот документ и приоритеты учреждаемых им рабочих групп подлежат развитию и корректировке, как это предусмотрено в преамбуле этого решения. К сожалению, однако, представляется, что некоторые стороны помнят лишь о том, что там есть мандат на проведение переговоров по договору о запрещении производства расщепляющегося материала, и, кажется, забывают о других элементах этого решения; это не способствует созданию атмосферы доверия, требующейся на Конференции. В свете дискуссий, имевших место в ходе канадского и чилийского председательства, некоторые стороны предлагали упрощенный подход к программе работы, или учреждение дискуссионных механизмов, чтобы заложить технические основы для последующих переговоров.

Это может быть полезным, поскольку это позволило бы начать предметные дискуссии и создать впечатление, что Конференция на самом деле работает. Всем переговорам по разоруженческим договорам всегда предшествуют углубленные, обширные дискуссии. В правилах процедуры нет ничего, что мешало бы нам принять упрощенную программу, основанную на графике дискуссий, без необходимости учреждать специальные комитеты; это позволит нам начать работу. Однако в отсутствие политической воли это не дает гарантии того, что мы начнем переговоры. Именно отсутствие политической воли мешает нам продвигать нашу работу, и мы не считаем, что обращение к альтернативным переговорным рамкам решит эту проблему; наоборот, это может осложнить ситуацию или привести к тому, что договоры, заключаемые за пределами Конференции, будут заключены без участия всех заинтересованных государств, а это сделает их менее эффективными.

Г-н Гомес Камачо (Мексика) (*говорит по-испански*): Я хотел бы выразить горячую признательность послу Вану за его работу и усилия в ходе своего председательства на Конференции по разоружению, что Мексика очень ценит. Да и вам тоже, г-жа Председатель, Мексика, конечно же, адресует самые теплые слова приветствия. Нам очень приятно и отраднo, что на Конференции по разоружению председательствует не просто женщина, не просто латиноамериканка, но еще и колумбийка. И мы воспринимаем это тем более с энтузиазмом, что и в Женеве и в других международных организациях хорошо известны ваши, смею сказать, талант, чуткость, мастерство и, если можно добавить, политическая смекалка. И мы уверены, что эти присущие вам качества помогут нам оказаться в состоянии продвинуть работу Конференции по разоружению.

Позиция Мексики хорошо известна, и я не буду распространяться на этот счет. Позвольте мне, однако, высказать три конкретных тезиса. Во-первых, с точки зрения Мексики, очень трудно рационально объяснить 15-летний паралич этого учреждения. Мы можем пытаться оправдывать его, мы можем находить всякого рода аргументы, мы можем даже придавать этому определенную рациональность, но в конечном счете эти усилия наталкиваются на суровую и, конечно же, грустную реальность: 15 лет бездействия. Мексика не может представить себе, чтобы это можно было расценивать или оправдывать позитивным образом. Как мы регулярно говорим, наша приверженность связана с ядерным разоружением, а по этой мерке – и с Конференцией по разоружению. И в той мере, в какой это был эффективный инструмент, который вершил великие дела, ему и была обеспечена наша приверженность и наша работа. Но вот сегодня у нас возникают серьезные сомнения в том, что эта организация готова продолжать реализацию этой высокой миссии. И я повторяю: я не вижу, как можно рационально объяснить 15-летний паралич.

Во-вторых, на Конференции по разоружению нередко заявляют, что проблема паралича этого учреждения связана не с самим учреждением, а с общей политической обстановкой, которая носит сложный характер и не позволяет нам в рамках этого учреждения продвигаться вперед в ракурсе соглашений. И Мексика систематически признает, что глобальная обстановка действительно носит сложный характер, но она категорически не согласна с идеей о том, что дело тут не в учреждении, а в обстановке. По нашему мнению, глобальная обстановка действительно носит сложный характер, причем во всех областях. Но кардинальная разница состоит в том, что имеются механизмы, которые способствуют соглашениям, и имеются механизмы и институты, которые препятствуют соглашениям. И на наш взгляд, Конференция по разоружению стала одним из тех, кто препятствует переговорам и препятствует соглашениям, и препятствует она им среди прочего потому, что, как мы уже тоже систематически гово-

рим, ее философия, ее менталитет и, – как мне ни жаль, но тут я не согласен с некоторыми из моих коллег, – правила процедуры также ответственны за помехи со стороны этого учреждения. И либо мы реформируем Конференцию по разоружению и позволим ей вести переговоры и реализовывать свои цели, либо Мексика, как мы уже тоже говорили, будет вполне готова пойти в другое место, чтобы делать это. Ибо наша приверженность сопряжена с разоружением.

Ну и в-третьих, у нас на Конференции по разоружению также периодически заявляют, что не имеет смысла вести о чем-то переговоры, в которых не участвуют так называемые ключевые субъекты. И Мексика тоже как нельзя больше не согласна с этим утверждением. Во-первых, потому, что мы не считаем, что в мире разоружения существуют ключевые субъекты и не ключевые субъекты; нас всех одинаково затрагивает существование, в частности, ядерного оружия. А во-вторых, потому, что если бы мы следовали этой аргументации, то у нас не только не было бы международного права, но и, по моему впечатлению, мы бы не начали переговоры по Договору о нераспространении.

Таким образом, г-жа Председатель, с этими словами я вновь подтверждаю солидарность Мексики с вами, и я подтверждаю вам неограниченную поддержку вашего лидерства и ваших идей. И мы желаем вам всего наилучшего в этом месяце, в котором вы будете председательствовать в этом органе.

Председатель (*говорит по-испански*): Большое вам спасибо. Я и впрямь премного благодарна за ваши слова. Меня это очень сильно вдохновляет в том, что касается осуществления этой важной и отнюдь не легкой задачи, в связи с которой, как я уже сказала в своей речи, я постараюсь действовать как можно более ответственным, транспарентным и инклюзивным образом по всем вопросам, которыми нам придется заниматься в этом месяце. Слово имеет посол Соединенных Штатов Америки г-жа Лора Кеннеди.

Г-жа Кеннеди (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, мне поистине приятно поздравить вас с принятием председательства. Присоединяясь к предыдущим ораторам, я хочу сказать, что я восхищаюсь всеми теми талантами, которые вы ставите на службу этой задаче, и, конечно же, выразить наше желание сделать все возможное, чтобы поддержать вас.

Мы, в частности, приветствуем предоставленную всем нам возможность поразмыслить под вашим руководством над нашей работой и над перспективами Конференции по разоружению; как уже сказали ряд ораторов, мы поистине переживаем критический момент.

Еще несколько ораторов делали ссылку на наши пока еще эфемерные усилия с целью возродить консенсус по программе работы, который был достигнут, хотя бы краткосрочно, за счет CD/1864 благодаря умелым усилиям посла Джазайри.

Мое правительство определенно с энтузиазмом поддержало бы любую POW в смысле "programme of work" (программа работы), а не "prisoner of war" (военнопленный), хотя порой, восседая здесь из года в год в этом почтенном зале, я и испытываю такое ощущение.

Как бы там ни было, я имею в виду программу работы в русле CD/1864, которая включала бы переговоры по договору о прекращении производства расщепляющегося материала в духе мандата Шеннона, – цель, которая, я могла бы подтвердить, годами неоднократно одобряется представителями и здесь, и на других международных форумах.

Ну а поскольку я отсутствовала на последнем пленарном заседании, проходившем под китайским председательством, позвольте мне, пользуясь возможностью, приветствовать приверженность и энергию, продемонстрированные послом Ван Цюнем.

Г-жа Председатель, мы будем с энтузиазмом поддерживать ваши председательские усилия в интересах всех нас.

Наконец, позвольте мне лично приветствовать нашего нового Генерального секретаря, поскольку опять же я не смогла присутствовать при его дебюте. Я определенно рассчитываю вручить г-ну Токаеву теплое поздравительное письмо от моего государственного секретаря, ибо у меня еще не было возможности сделать это; в общем, позвольте мне сказать сейчас, что я присоединяюсь к бесчисленным другим коллегам американцев в выражении восхищения многочисленными лептами, внесенными вами в ходе своей необычайной и блестящей карьеры. Позвольте мне просто сказать, что нам поистине повезло, что у нас за штурвалом стоит такой опытный и талантливый государственный деятель, и мы весьма рассчитываем на сотрудничество с вами в вашем новом качестве.

Г-н Дарейи (Исламская Республика Иран) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, прежде всего я хотел бы поздравить вас с принятием председательства на Конференции. Мы рассчитываем на плодотворные заседания под вашим руководством. И пользуясь возможностью, я хочу заверить вас в полном сотрудничестве моей делегации.

Первая специальная сессия Генеральной Ассамблеи, посвященная разоружению, учредила Конференцию по разоружению как единый многосторонний орган переговоров по разоружению. Мы придаем большое значение Конференции по разоружению исходя из мандата, который она черпает из первой специальной сессии.

Ясно, что мандат состоит в переговорах по юридически обязывающим инструментам в сфере разоружения с должным уважением ее правил процедуры.

Исходя из этих правил процедуры, принятие программы работы поистине является основной задачей, возлагаемой на данную Конференцию, дабы начать свою официальную переговорную работу. В этом контексте основной вопрос состоит в том, что является верховным приоритетом для начала переговоров.

Со всех точек зрения верховным приоритетом является ядерное разоружение. Памятуя о необходимости устранения угрозы, порождаемой ядерным оружием для международной безопасности, мы призываем всех членов Конференции принять и осуществлять сбалансированную и всеобъемлющую программу работы на основе ее повестки дня, касающуюся ключевых проблем, в соответствии с правилами процедуры.

Моя делегация всегда настаивала на равновесии и балансе и на необходимости принимать решения на Конференции путем консенсуса. Правила процедуры Конференции являются руководящим инструментом, который следует полностью соблюдать. В общем плане всеобъемлющая и сбалансированная программа работы должна позволять Конференции начать переговоры по четырем ключевым проблемам, что лучше всего отвечало бы цели Конференции, а также безопасности и защищенности всего международного сообщества. В этом отношении высшим приоритетом для моей делегации, равно как и для большинства членов Конференции остается ядерное разоружение.

Как показала предметная дискуссия на последних пленарных заседаниях и на неофициальных заседаниях, ядерное разоружение является верховным приоритетом большинства разных регионов мира.

Конференции следует как можно скорее договориться об учреждении специального комитета для начала переговоров по ядерному разоружению. Поскольку главной, коренной причиной проблем безопасности в мире является само существование ядерного оружия, для переговоров на Конференции созрела такая тема, как конвенции по ядерному оружию на предмет полной ликвидации ядерного оружия. И программа работы должна предусмотреть переговорный мандат по этой проблеме.

Единственно абсолютной гарантией против применения или угрозы применения ядерного оружия является полная ликвидация ядерного оружия. А до тех пор за счет учреждения на Конференции специального переговорного комитета следует в приоритетном порядке реализовать универсальный, безусловный и юридически обязывающий инструмент о гарантиях безопасности для государств, не обладающих ядерным оружием.

Мы также полагаем, что проблема негативных гарантий безопасности созрела для переговоров, поскольку эта проблема не столкнулась бы с техническими трудностями и соотносится только с политической волей государств, обладающих ядерным оружием.

Мы также выступаем за начало переговоров на Конференции относительно заключения юридически обязывающего договора, с тем чтобы полностью запретить возможность войны в космическом пространстве и предотвратить weaponization космического пространства, ибо такой юридически обязывающий инструмент повысил бы безопасность всех наций и обеспечил необходимые потребности в мирном использовании космического пространства.

Что касается договора по расщепляющемуся материалу (ДРМ), то мы уже недвусмысленно сказали, что по возможному договору следует охватить проблему запасов и проверки. ДРМ должен быть четким и содержательным шагом по разоружению и нераспространению во всех его аспектах, ибо по сфере охвата договора надо охватить не только будущее производство расщепляющегося материала для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, но и прошлое производство и существующие запасы. Любые переговоры по ДРМ, которые не включали бы запасы или ключевые субъекты, были бы лишены содержания, а соответственно, и были бы бесплодным делом. И в нашей программе работы нам надо обеспечить ясность по этой важной теме.

Г-н Рейес Родригес (Куба) (*говорит по-испански*): Большое спасибо, Алисия. Я, право, сильно колебался, брать ли слово, но я не хочу упустить возможность, присоединяясь к другим, засвидетельствовать нашу уверенность в твоей способности направлять в качестве Председателя Конференции по разоружению нашу работу. Должен сказать, что, собственно, то же самое доверие и поддержку мы оказывали и каждому из председателей, занимавших этот пост в течение года: сперва это был Мариус из Канады, потом Педро из Чили и, наконец, – до Алисии – Ван из Китая. Как ясно представляет себе Куба, проблема, с которой мы сталкиваемся, не есть проблема руководства и даже не есть проблема, которая находится в наших руках. Ведь мы, дипломаты, работаем на основе инструкций, но мы все же живем в реальном мире, где действительные события превосходят нас. Мы можем проводить множество бесплодных дебатов и реально приходить к одним и тем же выводам.

Собственно, позиция Кубы по разоружению четко определена, сопрягаясь с позицией Движения неприсоединения, Группы 21 и всех тех, кто считает, что реальным предметом дебатов в сфере разоружения в целях достижения всеобщего и полного разоружения является именно ликвидация ядерного оружия. И этот фактор, даже если у кого-то еще могли бы оставаться какие-то сомнения, с чередой аварий на гражданских установках в Чернобыле в свое время в результате человеческой ошибки и в Японии – в результате стихийного бедствия ясно показал, что, даже не говоря о применении мощи ядерного оружия, никто в мире не в состоянии гарантировать, что ядерная авария не может выйти из-под контроля. А это значит, что даже при наличии негативных гарантий само существование ядерного оружия реально подвергает каждого из нас перманентной опасности.

Тема мира носит сложный характер; наш форум является одной из немногих инстанций всей многосторонней системы, где реально принимаются решения, которые затрагивают все стороны и выполнение которых требует уважения и обязательности применительно ко всем сторонам, потому что только за счет доверия и гарантий на тот счет, что другие откажутся от оружия, мы и сами окажемся в состоянии отказаться от своего. Имеются, бесспорно, и другие, тоже важные форумы, например Международный валютный фонд, но с той лишь разницей, что там наиболее могущественные страны навязывают свои взгляды. Понятно, что порой они пытаются делать это и здесь, но с той лишь разницей, что тут поистине речь идет о демократичном органе, где на деле развивающиеся страны, малые страны требуют консенсуса и уважения с целью гарантировать то, что многие из здесь присутствующих пытаются риторически использовать в пользу разоружения и, в особенности, нераспространения, а в Совете по правам человека голосуют против, а именно право народов на мир.

Куба поистине объективна в своем анализе. Не будем драматизировать то, что здесь происходит. То, что происходит здесь, на Конференции по разоружению, являет собой отражение того, что происходит в мире: складываются новые балансы, и человечество охвачено динамикой перемен. Да, имели место определенные сдвиги в сфере нераспространения, и в основном – это консолидация гегемонии и превосходства одной группы стран, которые присвоили себе такое право, но вот на деле в контексте всеобщего разоружения в наиболее важных аспектах, и в особенности в плане ядерного оружия, так и не было достигнуто никакого прогресса не то что за 15 лет, а и никакого прогресса со времен Второй мировой войны.

Как мне думается, форсировать тут что-то мы не в состоянии. Да и было бы глупо пытаться делать это, хотя в принципе мы могли бы постараться добиться какого-то инструмента вне многосторонней системы, но даже если бы, как тут говорят, мы могли обрести такой инструмент, разве не может так стать, что даже те, кто его ратифицировал бы, не отказались бы от вооружений, пока их сохраняют другие? Поэтому, как мне думается, мы, в сущности, переживаем переходный момент, момент размышлений. И тут нам не надо отчаиваться: это момент становления сознания, но прежде всего – укрепления доверия. Должен сказать, что я уважаю некоторые документы, которые были представлены ранее, и в принципе уважаю те усилия, которые были предприняты дорогими друзьями, такими как посол Идрисс, но я должен отметить, что даже ни один такой документ в действительности не был ни справедливым, ни сбалансированным, потому что в принципе они были сфокусированы на продвижении усилий в определенной сфере в особенности и не отражали четкой приверженности переговорам в сфере ядерного разоружения.

Мы, со своей стороны, вполне готовы поддерживать вас, Алисия, в от-
правлении вашего председательства. Куба никогда не будет препятствием к
прогрессу на данной Конференции, но опять же нам не надо ни драматизиро-
вать, ни форсировать проблему, а надо искать прагматичные подходы. И я вот и
считаю, что нам не следует урезать финансовую поддержку Конференции, но
нам надо быть реалистами и объективно смотреть на вещи и созывать совеща-
ния тогда, когда есть четкие цели, которые мы будем реализовывать на этих со-
вещаниях, дабы избежать в дальнейшем этой серии пространных речей и бес-
плодных дебатов, где мы уже действительно повторяемся. Я понимаю, что мы
также обязаны сообщать в свои столицы, что мы ведем работу, и оправдывать
свое здесь присутствие, и это особенно касается тех, кто сосредоточен в основ-
ном на сфере разоружения, но мне думается, что в этом смысле нам надлежит
быть эффективными и созывать совещания тогда, когда у нас есть четкое пред-
ложение на предмет обсуждения и когда мы заручились необходимыми полити-
ческими обязательствами для достижения согласия в этом зале.

Вместе с тем, как я думаю, в конечном счете мы действительно не песси-
мисты. Мы оптимисты потому, что в конце концов мы ведь всегда находим вы-
ход. Есть процессы, которые занимают годы, как эволюция истории, если рас-
сматривать ее как процесс, и на деле не все получается так легко, как утвер-
ждают некоторые. Так что мы будем поддерживать тебя Алисия, и в конечном
счете мы будем следовать курсом председателей, которые в течение этого года
реально наметили важную задачу для остальных председательств этого года.
Как мне думается, они превосходно провели свои председательства и у них не
ощущалось дефицита ни усилий, ни таланта, ни превосходного руководства,
что сказалось и на нас. И в то же время мы рассчитываем, что рано или поздно,
если установится доверие и появятся необходимые договоренности, мы ока-
жемся в состоянии вести переговоры, для чего и существуем мы, переговорщи-
ки и дипломаты.

Г-н Хоффман (Германия) (*говорит по-английски*): Я всегда с большим
вниманием слушаю заявления на Конференции по разоружению, и сегодня мы
услышали ряд весьма интересных заявлений. Но как мне думается, все поймут,
когда я скажу, что я всегда слушаю с особенным вниманием, когда слово берет
мой коллега и друг посол Акрам. Я намерен высказать несколько комментариев
по его заявлению, но прежде я хотел бы поздравить и вас, г-жа Председатель, с
принятием председательства. Вы можете рассчитывать на полную поддержку
германской делегации, и я желаю вам всяческих успехов.

Я хотел бы также поблагодарить вас за то, как вы, так сказать, выложили
свою собственную программу работы. Мы находим, что это интересный под-
ход. Мы отдаем себе отчет в тех трудностях, с какими сопряжено выдвижение
программы работы Конференции, и тут определенно представляет интерес идея
более активно подключать и региональные группы. Как мне думается, прила-
гать усилия к тому, чтобы внести программу работы, в принципе надлежит ка-
ждому председательству, и в конечном счете дело Председателя оценить, пред-
ставляется ли это стоящим и полезным делом. Но как мне думается, в сущно-
сти, все-таки желательно, чтобы мы стремились представить проект программы
работы.

Я хотел бы также поблагодарить посла ди Маседу Суариса за его заявле-
ние, которое дает массу пищи для размышлений. Ну а теперь несколько тезисов
относительно заявления посла Акрама.

Во-первых, когда он говорит, что определенные державы готовы к контролю над вооружениями только тогда, когда это носит беззатратный характер, то мне думается, что это довольно опасная цепочка рассуждений. Прежде всего я не уверен, что это эмпирически верно в действительности, потому что я вполне мог бы представить себе, что если бы некоторые действовали по-своему, то им все же хотелось бы иметь химическое или биологическое оружие. Тут просто нельзя знать. Если вернуться к летописи переговоров, то вы увидите, что все заинтересованные участники очень сильно бились за определенные позиции, а это показывает, что тут все же есть материальный интерес к достижению определенных исходов.

И выдвигать такой аргумент довольно опасно, ибо это в какой-то мере девальвирует существующие соглашения по контролю над вооружениями. Он, в сущности, гласит, что на деле-то их ценность и не так уж велика, ибо они, так сказать, уже никому не нужны.

Во-вторых, речь идет о вопросе о том, являются ли проблемой правила процедуры. Его аргумент состоит в том, что переговоры по другим соглашениям о контроле над вооружениями были успешно проведены в этом органе с теми же самыми правилами процедуры. И это, конечно верно, но вопрос тут в том, как на деле употреблялись правила процедуры теми, кто участвовал в этих переговорах. Не сверившись с записями, а просто по памяти, я не думаю, чтобы тут когда-либо возникала ситуация, когда одно государство-член возражало против открытия переговоров.

Правила процедуры, и в особенности правило консенсуса, как все мы знаем, – это очень сложная материя, и тут имеется весьма деликатный способ ведения игры. Но когда речь заходит о ситуации, когда 1–2 государства из 65 в данном случае, а в других органах Организации Объединенных Наций иногда и более того, – когда очень немногие используют правило консенсуса фактически как право вето, то тут у нас уже разыгрывается другой футбол. Я хотел бы процитировать весьма стимулирующее размышления заявление нашего друга и коллеги посла Маседу Суариса, который сказал: "Государство-член, которое свободно присоединилось к Конференции по разоружению, целью которой являются переговоры о правовых инструментах по разоружению и контролю над вооружениями, не может ссылаться на свою ситуацию в плане безопасности с тем, чтобы предотвратить переговоры, сочтенные целесообразными если не всеми, то значительным большинством государств-членов". Как мне думается, это, если можно так выразиться, бьет прямо в точку.

Мой третий тезис касается, в особенности, проблемы расщепляющегося материала. Когда я смотрю на логическую цепь рассуждений, то меня это несколько озадачивает. На второй странице своего заявления посол Акрам опять объясняет, почему Пакистан в последние два года четко заявляет, по каким причинам он не может согласиться на переговоры на Конференции по договору о прекращении производства расщепляющегося материала и т.д. Всем нам это известно, и все мы стали свидетелями этого; и вот, в сущности, поэтому-то у нас и нет программы работы и поэтому-то мы и не начинаем переговоры в этом органе, в чем, собственно, и состоит задача, которую нам следует решать. Ну а потом, на третьей странице, он далее говорит вот что, и я процитирую это, потому что я нахожу это очень интересным: "С точки зрения Пакистана это требует переговоров по договору о расщепляющихся материалах, который не только запрещал бы будущее производство, но и предполагал сокращение запасов расщепляющегося материала. Ровная игровая площадка может возникнуть только тогда, когда за счет сокращений будет улажена проблема асимметрии за-

пасов. И поэтому мы выступаем не за договор о прекращении производства расщепляющегося материала, а за договор по расщепляющемуся материалу, который будет истинным разоруженческим инструментом, а не просто квазине-распространенческой мерой".

Ну, как я понимаю в меру своего интеллекта, это означает, что он, собственно, и не против проведения переговоров в этом органе, и он весьма четко дает понять, что, как считает Пакистан, переговоры по этой проблеме следует проводить только на Конференции, а не вне ее. Это весьма справедливая точка зрения, но, как я понимаю, Пакистан готов вести на Конференции переговоры по расщепляющемуся материалу. Конечно, у нас разные взгляды на то и на это. Одни вопросы тут важнее других. Но вот чего я так и не могу понять, так это причины такой фундаментальной оппозиции открытию процесса.

Разумеется, я хорошо осведомлен о злополучном "С" в аббревиатуре cut-off. Идет ли тут речь о договоре о прекращении или о запрещении производства. И вот тогда у меня и возникает вопрос: в какой мере эту разницу в подходе надо отражать в той задаче, которую мы ставим перед собой, т.е. в программе работы, в мандате, которым мы себя наделяем.

У нас есть расхождения во взглядах. Ведь это классический случай, что, когда люди усаживаются за переговоры по любой данной теме, у них имеются разные отправные точки, и они задаются вопросом, а в какой мере мы должны отражать эти разные отправные точки в мандате. Это случалось много раз, прежде чем они нашли способ как-то сгладить проблемы, чтобы каждый мог смириться с этим.

Г-жа Председатель, когда мы пытаемся сформулировать мандат на предмет нашей программы работы, было бы, конечно, очень интересно посмотреть, нет ли тут способа так или иначе сгладить дело. Я приглашаю делегацию Пакистана известить о своих воззрениях на этот счет на двусторонних консультациях с вами или в любой форме, которая была бы сочтена полезной, а потом уж посмотреть, нет ли тут способа артикулировать проблему так, чтобы мы действительно могли начать свою работу.

Председатель (*говорит по-испански*): Большое спасибо послу Германии за его слова. Вы совершенно правы, когда говорите, что председатели всегда должны вносить программу работы. Это так, и это делали все мои предшественники председатели, и я уважаю эту работу, я восхищаюсь ей, но как я говорила в своем выступлении, эта работа оказалась не столь успешной, как ожидали мы, Конференция по разоружению. И поэтому в своем выступлении я пригласила всех или на индивидуальном, или на региональном, или, если можно так сказать, на трансрегиональном уровне, если у вас есть какие-то идеи насчет программы работы или насчет того, какой она должна быть, соблаговоить изложить их, и я с удовольствием их представлю. Как у Председателя у меня тут нет проблем. Мы будем продолжать свои двусторонние или многосторонние консультации с несколькими одновременно, но я не думаю, чтобы, – как полагает и моя столица, – Колумбии имело смысл выдвигать сейчас программу работы, чтобы просто обсудить ее, а потом снова сдать в архив. Давайте предпримем всеобщие усилия и давайте мы все попытаемся выдвинуть программу работы, в которой все мы попытаемся найти взаимовыигрышное решение. Дело в том, что цикл каждого председателя сопрягается с выдвижением программы работы, а месяц спустя та же самая процедура повторяется, и нам кажется, что уже хватит делать это. Мы уважаем позиции других делегаций, но мы считаем, что мы достигли такого момента, когда нам надо по крайней мере предусмотр-

реть иную, работоспособную стратегию в рамках правил процедуры, чтобы посмотреть, не можем ли мы выдвинуть такую программу работы.

Ведь у нас было много двусторонних консультаций со многими странами, хотя, к сожалению, и не со всеми. И поэтому тут мы полагаемся на региональные группы, либо же мы можем встретиться с ними или же с координаторам региональных групп, т.е. с теми, кто доведет до своих групп то, что мы здесь обсуждаем, и то, что было здесь поднято, и как мы могли бы гораздо лучше работать вместе. Мы открыты для всех предложений. Мы хотим, чтобы это включало всех, и, коль скоро вы ссылались на посла Пакистана, мы уже действительно проводили встречи с ним; мы в любом случае хотели бы достичь сближения между Пакистаном и другими странами, с тем чтобы все мы могли продвигать вперед Конференцию по разоружению. Наше председательство заинтересовано в том, чтобы никак не разделять, но – объединять.

А сейчас слово имеет посол Японии Айко Суда.

Г-н Суда (Япония) (*говорит по-английски*): Прежде всего, мадам, я хотел бы поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению на этом очень важном этапе наших усилий с целью добиться прогресса на этом форуме.

Я не собирался выступать сегодня, но, выслушав различные интересные, стимулирующие и провоцирующие заявления наших коллег, я почувствовал, что мне следует высказаться. И вот что я хотел бы сказать: нам следует прямо задуматься о том, чтобы взять на себе ответственность в качестве членов Конференции.

Япония много десятилетий твердо выступает с призывом к полной ликвидации ядерного оружия. Между тем, как известно каждому, полной ликвидации не достичь в одночасье или за счет одной-единственной конвенции. Это требует кумулятивного процесса практических, конкретных мер и усилий. И в этом отношении очевидно, что, как указывается в преамбуле Договора о нераспространении ядерного оружия, самым экстренным шагом в этом процессе является прекращение изготовления ядерного оружия. Я не могу представить себе после Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний иного пути к миру, свободному от ядерного оружия, без запрета сперва по крайней мере производства расщепляющегося материала ядерно-оружейного назначения. Проблема договора о прекращении производства расщепляющегося материала достигла, что тоже известно каждому, достаточной степени зрелости для того, чтобы приступить к официальным переговорам. У нас есть хороший базовый мандат, мандат Шеннона, который носит тщательно подготовленный, сбалансированный и гибкий характер. И для всех нас или для нашей работы на Конференции нет пользы в том, чтобы возвращаться назад и вскрывать этот компромисс.

Есть у нас достижение и в ракурсе программы работы CD/1864, согласованной консенсусом в мае 2009 года. Но вот почему, со всем этим конструктивным и сбалансированным компромиссом, которого мы достигли, мы не оказались в состоянии продвинуться вперед с мая 2009 года? Дело тут ясно и просто. Несмотря на консенсусное согласие по программе работы в CD/1864, государство-участник воспротивилось осуществлению этой программы работы по причине международной безопасности. Так что в конечном счете проблема тут не в CD/1864, и дело тут не в зрелости проблемы.

Япония вполне готова участвовать в усилиях по дальнейшей проработке трех других основных проблем, а именно: ядерное разоружение, негативные

гарантии безопасности и предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве. Однако Япония не может поддержать никакой аргумент, который на деле препятствует немедленному началу переговоров по ДЗПРМ исходя из ложной посылки на тот счет, например, что три другие проблемы носят вполне зрелый характер, так почему бы не рассматривать все четыре проблемы вместе и подождать с началом переговоров по ДЗПРМ до тех пор, пока мы не достигнем какого-то согласия в этом ракурсе?

Япония считает, что Конференция является самым важным форумом для переговоров по разоруженческим договорам. Это обусловлено, однако, тем, что Конференция должна добиваться прогресса в сфере разоружения, и в особенности разоружения ядерного, своей предметной работой. Другими словами, что абсолютно важно для Японии, да и для большинства из нас, так это не сама Конференция, а разоружение. И поэтому если Конференция будет и далее оставаться дисфункциональной, будет и понятно, что многие государства-участники, а потом и многие государства вообще утратят интерес к Конференции и поищут иные пути к тому, чтобы действительно работать над ядерным разоружением, и в особенности, в плане переговоров по договору о прекращении производства расщепляющегося материала.

Г-н Рао (Индия) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, позвольте мне сердечно поздравить вас с принятием председательства на Конференции по разоружению. Я уверен, что с вашим мастерством, дипломатическими способностями и личным обаянием вы сможете успешно руководить работой Конференции. Заверяю вас в полной поддержке моей делегации в выполнении ваших обязанностей. Я хотел бы также поблагодарить вашего предшественника и нашего коллегу и друга посла Вана за его энергичные и неустанные усилия по поступательному продвижению нашей работы.

Позвольте мне также поблагодарить вас за созыв пленарного заседания по программе работы Конференции. Моя делегация всегда поддерживала исключительную значимость Конференции как единого многостороннего форума переговоров по разоружению. Для нас всегда отрадны усилия, которые приближают нас к переговорам по проблемам разоружения и международной безопасности и поддерживают бесценный и инклюзивный характер этого форума. И наоборот, нам следует стараться избегать вещей, которые отодвигают нас от консенсуса.

Я не хочу повторять взгляды моей делегации по программе работы Конференции. Они были изложены на пленарных заседаниях 22 февраля и 30 марта с.г. Я хочу лишь подчеркнуть, что первостепенный приоритет Конференции должен состоять в том, чтобы как можно скорее принять программу работы и приступить к предметной работе, включая переговоры. Индия не будет вставать на пути, если сложится консенсус по программе работы, отталкиваясь о того, где мы были с точки зрения консенсусного решения CD/1864 от мая 2009 года, особенно если такое решение будет облегчать начало предметной работы, включая переговоры по ДЗПРМ. Причем без ущерба для той приоритетности, какую мы отводим ядерному разоружению.

Индия последовательно выступает за глобальное, полное и проверяемое ядерное разоружение. Будучи членом Группы 21 и Движения неприсоединения, мы отводим высочайший приоритет ядерному разоружению. Мы полагаем, что ядерное разоружение может быть достигнуто за счет поэтапного процесса, гарантируемого универсальной приверженностью и согласованным многосторонним каркасом для достижения глобального и недискриминационного ядерного разоружения. Есть необходимость в конструктивном диалоге среди всех госу-

дарств, обладающих ядерным оружием, с целью выстраивания доверия и уверенности и сокращения рельефности ядерного оружия в международных делах и доктринах безопасности.

Г-н Квон Хэ Рён (Республика Корея) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, прежде всего я хотел бы вначале поздравить вас с принятием очень взыскательной и вместе с тем насущной обязанности Председателя Конференции по разоружению. Я уверен, что под вашим умелым руководством дискуссии на Конференции будут способствовать прорыву в заторе на Конференции. Разумеется, я заверяю вас в полной поддержке и сотрудничестве моей делегации в связи с проведением вами своей ценной работы.

Я не буду повторять сегодня нашу позицию. Я хотел бы лишь высказать одно предположение. Я вполне понимаю, что разные среды в плане безопасности зачастую требуют разных позиций по ядерному разоружению и нераспространению. Принимая в расчет эту реальность, я поддерживаю практические шаги в русле систематических и поступательных усилий. В общем я хотел бы предложить провести более сфокусированные дискуссии по некоторым тормозящим проблемам, по которым мы имеем совершенно разные взгляды. По моему мнению, было бы полезнее перечислить разные мнения по каждому пункту, чем повторять одни и те же сообщения, как мы делали это в прошлом на протяжении длительного времени.

Насколько я понимаю, предметом наиболее упорных схваток и узким местом четырех повесток дня является ДЗПРМ. И поэтому я и хотел бы предложить, чтобы мы занялись сперва случаем существующих запасов, а потом и другими смежными понятиями, такими как определение, сфера охвата и проверка по ДЗПРМ. Как мне думается, более эффективный и действенный способ состоял бы в том, чтобы провести более сфокусированные дискуссии по каждому пункту соответственно один за другим, с тем чтобы сузить различия, которые есть у вас в настоящий момент, или, если повезет, найти решение. В период вашего председательства мы можем сфокусироваться в основном на проблемах ДЗПРМ, а потом, если у нас будет достаточно времени, нам следует найти способы обсудить и другие крупные проблемы, такие как ядерное разоружение, предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве и негативные гарантии безопасности.

Такой подход был бы полезен для выстраивания доверия и облегчения официального процесса, с тем чтобы способствовать уменьшению недопонимания и упрочению общего доверия и понимания.

И наконец, корейская делегация разделяет мнение, высказанное германским послом на тот счет, чтобы приложить усилия и, если возможно, представить программу работы.

Председатель (*говорит по-испански*): Спасибо послу Кореи. Я хотела бы подчеркнуть ему, что его предложение будет проанализировано нашим председательством; но я также позволю себе напомнить ему, что во многих случаях его предложение уже реализовывалось и апробировалось применительно к этому форуму, но увенчалось очень малым успехом. И я думаю, что нам уже пора стать гораздо более креативными, и вы тоже могли бы помочь нам выдвинуть программу работы. И если у вас есть превосходные идеи, если у вас есть много креативности в этом отношении, то наше председательство готово принять любую идею, какая у вас есть, и созвать любое заседание, какое вам нужно. Ну а что касается того, чтобы просто сидеть и до бесконечности дискутировать все о том же, то мы считаем, что уж по крайней мере наше председательство намере-

но дать нам передышку. Уж не знаю, как для других, но это даст нам передышку, чтобы попытаться выяснить или по крайней мере постараться узнать, что с нами происходит, как мы могли бы работать лучше и куда мы действительно хотим пойти. И если у вас, как я сказала в своем вводном слове, есть инициативы по программе работы, то я без всяких проблем с большим удовольствием внесу их. Я сделаю тут все возможное, но поскольку мы как делегация уважаем, как я уже сказала, работу моих предшественников, и разделяем ее, я полагаю, что ваши предложения были бы такими же, какими были бы и предложения Колумбии, и поэтому они были обследованы, но без всякого успеха. Слово имеет посол Корейской Народно-Демократической Республики г-н Со Се Пхён.

Г-н Со Се Пхён (Корейская Народно-Демократическая Республика) (*говорит по-английски*): Г-жа Председатель, прежде всего позвольте мне поздравить вас с принятием председательства и заверить вас в своей полной поддержке и сотрудничестве. Позвольте мне также, пользуясь возможностью, сказать, что я высоко ценю превосходную работу посла Китая Вана в период его председательства с целью намного продвинуть вперед работу Конференции.

Моя делегация тепло приветствует ваше намерение работать с государствами – членами Конференции в открытом, инклюзивном и транспарентном стиле. Что же касается программы работы, то моя делегация уже многократно повторяла свою позицию и свои воззрения, и поэтому я не буду опять повторять их сегодня.

Сегодня разоруженческий механизм обретает все более важную роль в международных усилиях в ракурсе мира и безопасности. В особенности, Конференция по разоружению должна упрочивать свою роль в ядерном разоружении. Корейская Народно-Демократическая Республика придает важное значение Конференции как единственному многостороннему органу переговоров по разоружению и признает, что этот орган является самым полезным механизмом для продвижения глобального разоружения.

Именно с этой точки зрения мы рассчитываем на скорейшее начало предметной работы. С этой целью мы будем демонстрировать приверженность вкупе с терпением. И в этом отношении позвольте мне еще раз выразить твердую решимость продолжать свое сотрудничество с вами в предстоящие дни.

Председатель (*говорит по-испански*): Большое вам спасибо. Мы имеем возможность работать в составе шестерки председателей этого года как в команде. И мы считаем, что это очень важно, поскольку, как мы поистине считаем, нет смысла каждый месяц начинать с нуля председательства продолжительностью всего лишь в один месяц. Мы считаем, что было бы лучше, если бы мы могли проводить программу работы этих шести председательств. И мы решили так, несмотря на наши идеологические разногласия по многим областям. Мы считаем важным попытаться наметить курс действий на протяжении этого года. И поэтому я подчеркиваю то уважение, с каким наше председательство воспринимает работу трех своих предшественников.

Похоже, что у нас в списке больше никого нет. И я хотела бы знать, не желает ли взять слово еще какая-либо делегация. Как я вижу, слова просит Пакистан. Вам слово, посол Пакистана.

Г-н Акрам (Пакистан) (*говорит по-английски*): Я беру слово, чтобы отреагировать на очень ценные комментарии моего друга и коллеги посла Германии. Я ценю ту серьезность, с какой он слушает меня, что вовсе не обязательно имеет место в случае некоторых других моих коллег, но я постараюсь в меру

своих возможностей как можно лучше ответить на ваши вопросы, запросы и тезисы.

Что касается идеи о том, что я сказал о соглашениях, которые были подписаны, будучи беззатратными, то эмпирически, разумеется, тут надо было бы заглянуть в протокол, и это можно бы сделать. Но, судя по моему собственному опыту, с тех пор как я последний раз был в этом городе, в этой организации в середине 1980-х годов, когда мы начали переговоры о Конвенции по химическому оружию, тут уж определенно, – а ведь это было еще и время "холодной войны", – тот факт, что мы достигли стадии, когда каждый – и в особенности в то время две крупные сверхдержавы – был готов заключить договор о запрещении химического оружия, стал результатом признания ими, что ликвидация химического оружия не подрвала бы их интересы безопасности. Как я полагаю, в этом же состоял и ведущий принцип или ключевой фактор, лежавший в основе переговоров по конвенции о запрещении биологического оружия.

Как мне думается, если взять все три вида оружия массового уничтожения, как мы их называем: биологическое, химическое и ядерное, – и если страна обладает ядерным оружием и основывает на этом оружии свой потенциал сдерживания, то мой аргумент состоит в том, что обладание химическим и биологическим оружием тогда становится ненужным, по крайней мере для тех, кто обладает оружием ядерным. Имея такое ядерное оружие, крупные державы, обладающие ядерным оружием, готовы отказаться от других средств массового уничтожения. И поэтому они становятся излишними. Точно так же, что касается проблемы испытаний и что касается проблемы существующих запасов, то мы очень хорошо знаем, что основные государства, обладающие ядерным оружием, провели несколько сот ядерных испытаний – в сущности, больше испытаний, чем понадобилось бы, чтобы несколько раз взорвать весь мир. И для них дальнейшие ядерные испытания действительно стали беспредметными. И вот поэтому и стало очевидно, что в этой сфере мог бы быть достигнут прогресс за счет согласия о непроведении дальнейших испытаний.

Так же обстоит дело и с запасами расщепляющегося материала. Мы тоже знаем, что во владении основных государств, обладающих ядерным оружием, имеются весьма большие количества запасов расщепляющегося материала. По этой-то причине они уже и сами объявили мораторий. И поэтому, раз уж они объявили мораторий, для них трансформация такого моратория в международный договор не сопряжена со столь уж крупными издержками. Вот такова тут аргументация.

Ну а теперь, что касается использования правил процедуры, – явно той основы, на которой была создана Конференция по разоружению, – то я помню это очень хорошо, потому что тогда две сверхдержавы в дни "холодной войны" выступали за то, чтобы правило консенсуса применялось как к процедурным, так и к предметным вопросам. В сущности, в то время именно Пакистан ратовал за то, чтобы правило консенсуса применялось в случае предметных вопросов, но не в случае вопросов процедурных. Все это есть в протоколах, с которыми можно свериться. Как бы то ни было, но факт остается фактом, что правило консенсуса то и дело использовалось для того, чтобы защитить свои интересы в этом органе. Мы очень ясно видели и мы по-прежнему очень ясно видим это в контексте таких проблем, как переговоры по негативным гарантиям безопасности или по ядерному разоружению, которые опять же являют собой те проблемы, по которым большое число стран в этом зале готовы начать переговоры, да вот только несколько стран не готовы делать это. Так что опять же пра-

вило консенсуса все еще используется для того, что можно расценить как защиту своих интересов национальной безопасности.

Ну и третий вопрос состоял в том, почему кто-то мог бы противодействовать открытию процесса по ДЗПРМ. Проблему запасов или сокращения запасов можно было бы, как я полагаю, деликатно отразить в программе работы. Вот в чем дело. И тут я просто хочу внести ясность на тот счет, на чем мы стоим, ибо с нашей точки зрения, памятуя о наших интересах безопасности, для нас простой запрет на будущее производство не учитывает наших озабоченностей. Да в сущности, это и усугубляет наши озабоченности по поводу безопасности. В общем, чего мы поистине хотим, так это приверженности переговорам по договору, который не только запрещал бы будущее производство, но и был бы сопряжен с обязательством сократить существующие запасы. Вот в этом и состоит то, что нужно прояснить и согласовать заранее, прежде чем мы начнем переговоры.

Надеюсь, что это проясняет нашу позицию на этот счет. И я просто хотел бы занять еще несколько минут, чтобы ответить на комментарии – довольно косвенные комментарии, которые, как мне думается, были адресованы нам нашими уважаемыми коллегами послами Бразилии и Алжира насчет того, чтобы полагаться на ядерное оружие ради нашей безопасности. Если я правильно понял их тезис, то я хотел бы ответить, что ведь этот ящик Пандоры открыли не мы. Нам пришлось реагировать на объективную реальность, и поэтому-то и возникло наше ядерное сдерживание.

Ну и как я уже говорил сегодня и как мы уже говорили в прошлом, мы готовы вести переговоры относительно такого договора, как конвенция по ядерному разоружению. Мы согласны, что если мы ликвидируем ядерное оружие, то это и станет реальной высшей гарантией безопасности для всех. Но мы не можем делать это в одностороннем порядке. Нам нужно быть частью процесса, в который были бы вовлечены все государства, обладающие ядерным оружием. И мы поистине не видим причин для того, – коль скоро мы слышим от лидеров всех основных государств, обладающих ядерным оружием, об их приверженности ядерному разоружению, – чтобы мы не могли начать переговоры по ядерному разоружению.

Я понимаю, что ядерное разоружение будет длительным процессом. У нас нет сомнений относительно сопряженных с этим трудностей. Но нам следует по крайней мере положить начало; нам следует по крайней мере изъяснить здесь, в этом благородном органе, который изначально и был создан с конкретной целью – с целью переговоров по ядерному разоружению, решимость на тот счет, чтобы по крайней мере достичь согласия по переговорному мандату в программе работы в отношении ядерного разоружения.

Г-н ван ден Эйссел (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я извиняюсь, что так поздно беру слово в ходе дебатов, – но это дает мне то преимущество, что я очень серьезно и очень тщательно прослушал все выступления, – чтобы ответить на некоторые из тезисов. Я буду краток, потому что многие из высказанных тезисов совпадают с моими, и я хотел бы избежать повторения тезисов, высказанных в ходе нескольких дебатов.

Три тезиса. Прежде всего относительно программы работы. Как вам ведомо, Нидерланды всегда были очень гибко настроены по проблеме программы работы. Мы поддержали CD/599. Мы поддержали CD/1864, и мы поддержали CD/1889. Мы были бы открыты для любых модифицированных версий. И если бы мы действительно, как было предложено, могли найти небольшую адапта-

цию текста CD/1864, CD/1889 или CD/599 подходящим для всех способом, то мы были бы рады поддержать это. Более того, мы, пожалуй, и будем активно поддерживать такого рода усилия.

Чего мы не поддерживаем, однако, так это изменений такого рода, которые увели бы нас от консенсуса, который мы имеем. Я не думаю, что усилия в этом направлении носили бы полезный характер.

Мой второй тезис касается характера того, что мы делаем на Конференции. Мы по-прежнему убеждены в полезности составления программы работы как самостоятельной задачи. "Облегченная программа работы", как ее часто называют, которая не откроет реальных перспектив для переговоров, на наш взгляд, не есть верный подход.

Мой последний тезис состоит в том, что многие делегации поднимают проблему самого существования этого органа, и мы разделяем мнение тех, кто подчеркивает его важность. Но как раз по этой причине нам и следует критически подходить к его функционированию, особенно по причине его важности. Тот факт, что с правилами процедуры и методами работы мы оказывались в состоянии добиться прогресса 15 лет назад, сам по себе не является убедительным доводом в пользу того, что после 15 лет стагнации нам следует произвести сакрализацию этих правил процедуры и этих методов работы. Это, на мой взгляд, было бы не очень разборчивым.

И поэтому я бы очень приветствовал открытый подход со стороны всех членов Конференции, а также возможность совместно поискать, как нам изменить то, как мы делаем или, вернее, не делаем свою работу.

Позвольте мне подчеркнуть: идея состоит не в том, чтобы разрушать – идея состоит в том, чтобы созидать.

Г-жа Председатель, мы будем, конечно же, всячески поддерживать ваши усилия и мы уповаем на оставшийся период вашего председательства.

Г-н Хелиф (Алжир) (*говорит по-арабски*): Я хотел бы лишь прояснить некоторые элементы заявления посла Джазайри, которое было заявлением общего характера и не было направлено против какого-либо конкретного государства здесь, на Конференции. В своем заявлении он сказал, что защита интересов своих граждан входит в обязанность любого правительства в мире; вместе с тем мы считаем, что эта безопасность не должна строиться изолированно, без учета безопасности других. Это с одной стороны, а с другой – эта безопасность не должна строиться на обладании оружием массового уничтожения. Такова позиция Алжира, которую мы излагали в многочисленных заявлениях; мы считаем, что любой подход к программе работы или международным инструментам, которые будут приниматься, должен основываться на концепции ненанесения ущерба безопасности всех сторон.

Председатель (*говорит по-испански*): Большое спасибо послу Алжира. Не желают ли взять слово еще какие-либо делегации? Как я вижу, нет.

Я хотела бы высказать несколько замечаний. Посол Кубы известил нас, что он не в состоянии принять пятое председательство этого года по причине других мероприятий, которые требуют его присутствия: речь идет об определенных обязательствах, которые посол Кубы, к сожалению, не может перенести.

Посол Корейской Народно-Демократической Республики также сказал, что он готов поменяться председательством с Кубой. Правила процедуры Конференции гласят в статье 9: "Когда Конференция заседает, председательствова-

ние на Конференции осуществляется на основе ротации всех ее членов. Каждый Председатель председательствует в течение четырех рабочих недель. Соблюдается ротация, начатая в январе 1979 года, которая основана на английском алфавитном списке членского состава". В истории Конференции нет прецедентов на этот счет. В ходе моих консультаций с региональными координаторами и послами на двустороннем уровне мне стало понятно, что тут нет возражений против перестановки председательств Кубы и Корейской Народно-Демократической Республики. И я хотела бы знать, можем ли мы принять решение о таком обмене мандатами между Кубой и Корейской Народно-Демократической Республикой.

Решение принимается.

Председатель (*говорит по-испански*): На этом завершается наше сегодняшнее заседание. Следующее заседание Конференции состоится в четверг, 9 июня 2011 года, в 10 ч. 00 м. Я оконтурю нашу программу на следующую неделю, с тем чтобы все делегации могли прибыть на это заседание подготовленными; мы еще не знаем, будет ли это пленарное заседание или же неофициальное заседание. Во всяком случае, мы попытаемся сделать это максимально комфортно для всех представителей на Конференции по разоружению.

Заседание закрывается в 12 ч.55 м.